...ик.

на

Амуре

ОТКРЫТИЯ—ЗАВОЕВАНИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

С. В. БАХРУШИН

КАЗАКИ НА АМУРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД
1925

В. Б.

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С. П. Б.

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Ленинградский Гублит № 17.891. Напечатано 3000 / 4.

Проф. С. В. БАХРУШИН

КАЗАКИ НА АМУРЕ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1925

Обложка и рисунки работы
В. И. Белкина.

I.

НОВАЯ ДАУРСКАЯ ЗЕМЛЯ.

Город Устюг у слияния Сухоны с Югом представлял собою в XVII столетии один из самых богатых торговых пунктов старого Московского государства. Здесь скрещивались пути, шедшие в столицу страны, Москву, с путями, направлявшимися в Архангельск на Белом море и за Урал в Сибирь. Через Архангельск шли все торговые сношения с западной Европой, а из-за Урала привозился самый ценный товар, имевший наибольший спрос заграницей, — пушнина. Стоя на перепутьи между рынками Запада и Востока, Устюг сделался, таким образом, центром, в котором сосредоточивался оживленный торговый обмен. Сюда целыми „сороками“ привозились на лодках по Печоре и по Вычегде драгоценные соболиные меха; здесь они перегружались на дощаники и направлялись дальше вниз по Двине в Архангельск ко времени приезда туда английских

и голландских кораблей; на архангельской ярмарке меха продавались и обменивались на иностранные материи, на металлы, на бакалею, на предметы роскоши, и все это везлось обратно на Устюг, а с Устюга вместе с местными произведениями и с привозными из поволжских городов товарами отправлялось обозами в десятки возов за Урал для приобретения новых транспортов пушнины. В этот торговый круговорот были вовлечены жившие по Двине крестьяне; многие из них то и дело покидали свое хозяйство на попечение младших родственников, а сами шли на промысел за Урал; иные там и оставались навсегда на новых угожих местах; другие, после нескольких лет отсутствия, возвращались к своим очагам с тем, с чем ушли; третьи, наконец, которым промыслы удались, везли свою добычу в Архангельск, где меняли ее на иностранные товары. Эта постоянная погоня за наживой, поездки в Сибирь, жизнь в тундрах, сопряженная с опасностями и с риском, разнообразие впечатлений — вырабатывали в жителях Устюжского края смелость, энергию, упорство, которые помогали им преодолевать лежавшие на их пути препятствия. Торговля с Западом способствовала появлению среди них сравнительно высоких культурных запросов и потребностей; в устюжских избах попадались предметы иностранной роскоши: зеркала, дорогие материи, оловянная посуда. Многие из устюжских крестьян разбогатели, благодаря сибирским промыслам и архангельским торгам, и выбились из крестьянства в высший разряд торговых людей, в „гости". Из простых крестьян вышли устюжские капиталисты, самые богатые люди во всем Московском государстве: Босые, Ревякины, Грудцыны, Федотовы, украшавшие с царской роскошью свой родной Устюг великолепными памятниками художественного зодчества, до сих пор вызывающими восхищение.

Крестьянином одной из волостей Устюжского уезда был по своему происхождению и знаменитый Ярофей Павлов

Хабаров-Святитский, с именем которого связана попытка русских стать твердой ногой на Амуре. Как многие из его соотечественников, Хабаров нередко уходил на промыслы за Урал и пропадал там подолгу, вдали от дома, пробираясь далеко на восток, за Енисей. В 1628 году он, например, был вместе с братом Никифорком в Мангазее, как называлась тогда область, лежавшая к востоку от Обской губы, а оттуда проник в Пясиду, на Таймырский полуостров. Это было время величайшего промышленного оживления в Сибири, время грандиозных замыслов, смелых предприятий и открытий. Спрос иностранцев на сибирские меха побуждал ежегодно толпы северо-русских промышленников переходить через Урал в поисках казавшейся издали легкой наживы. Главным средоточием промышленного люда была Мангазея, через которую шло почти все движение на Енисей и его притоки. В 20-х годах, однако, соболь уже был в значительной степени истреблен на этих реках, и предприимчивые промышленники стали перебираться с Енисея еще дальше на восток, в реки, впадающие в Лену. Хабаров привез из своей поездки в Мангазею первые слухи о вновь открытой „великой реке". Через несколько лет он опять отправляется в Сибирь, на этот раз навсегда. У себя дома, в своей устюжской деревне, он оставил на произвол судьбы жену Василису, внучку и племянницу; с ним вместе в Сибирь перебрались его брат Никифор и племянник Артюшка Филиппов Петриловский.

За протекшие несколько лет Лена уже сделалась доступна русским, и здесь-то на устье реки Киренги, в конце-концов, обосновывается предприимчивый устюжанин, заводит пашню, строит мельницу, устраивает соляную варницу, торгует хлебом и чем попало. Он быстро богатеет и делается одним из крупнейших хлеботорговцев края. Достаточно сказать, что Петр Петрович Головин, посланный в 1638 году из Москвы для основания на Лене города,

взял у него для нужд экспедиции, во главе которой он стоял, 3000 пудов хлеба.

Вновь основанный на Лене город Якутск стал теперь играть ту роль, которую раньше играла Мангазея, как пункт, через который шла главная волна промышленников в восточную Сибирь. Отсюда они расходились вверх и вниз по Лене и, не довольствуясь „ленскими" соболями, искали новых путей дальше на восток и на юг. По восточным притокам Лены — Витиму и Олекме — они достигли водораздела, отделяющего бассейн Лены от бассейна Амура, и стали с верховьев этих рек перебираться на Шилку, впадающую в Амур. Эти промышленники первые принесли известие о „Даурской земле", т.-е. Приамурской области. До нас дошел рассказ одного такого промышленного человека Сеньки Аверкиева о его похождениях на Амуре. Он охотился на устье реки Аргуни, когда был захвачен в плен туземцами — „даурами" и отведен на Амур к даурским князькам Лавкаю и Шилгинею, которые его расспрашивали „по-своему". Лавкай сказал ему, между прочим: „слышал я от тунгусов, что русские люди — собаки; где они иноземцев найдут, тут и побьют до смерти; и к нам они идут для того же". Шилгиней, впрочем, заступился за Сеньку и не дал Лавкаю его убить; его отпустили, отобрав предварительно имевшиеся у него товары — бисер и стрелы железные — и дав взамен соболиные меха.

Владения князя Лавкая сделались теперь заветной целью, куда стремились помыслы всех ищущих легкого обогащения. Повторяли со слов тунгусов слухи о богатстве его земли, об изобилии в ней соболей, о плодородье ее почвы; упорно говорили, что под его улусом, близко в горе имеется серебряная руда, из которой туземцы плавят серебро, и даже видели у тунгусов полученные от дауров серебряные украшения: пуговицы и круги; воображенье манили рассказы о сношениях Лавкая с богатым и могущественным

Китайским государством. И вот, по следам промышленников, двинулись на Амур и служилые люди в поисках добычи для себя и ясака, т.-е. дани, для государя. В 1643 году первый якутский воевода Петр Петрович Головин послал на Шилку военную экспедицию под начальством письменного головы (как назывались тогда чиновники особых поручений при воеводах) Василия Пояркова и пятидесятников Юрия Петрова и Патрекея Минина, состоявшую из 112 служилых людей, преимущественно вновь набранных из промышленников, и 15 „охочих" людей, добровольцев из тех же промышленников, и снабженную железною пушкою и запасом пороха и свинца „для угрозы немирных землиц". Экспедиция пошла вниз по Лене, до устья реки Алдана, поднялась по Алдану до Учура, затем из Учура вошла в реку Гоному. Путь был трудный, особенно по порожистой реке Гономе, где казакам пришлось преодолеть сорок два больших порога и двадцать два малых, причем приходилось выходить из судов и переволакивать их через камни; один казенный дощаник при переходе через порог потерпел тяжелую аварию, во время которой весь запас свинца сорвало с кормы в воду. Не дойдя до водораздела, казаки были застигнуты холодным временем года и должны были остановиться на зимовку. Чтоб не терять времени даром, Поярков оставил часть своего отряда с запасами и судами в выстроенном им зимовьи, поручив весною перебраться через волок, т.-е. водораздел, на реку Зею, впадающую в Амур, а сам, не дожидаясь весны, с 90 человек своих людей пошел вперед зимним путем, волоча с собою на нартах продовольствие и прочий багаж. Преодолев волок, он попал на верховье Зеи. Таким образом, Поярков благополучно добрался до Даурской земли.

По берегам Зеи жили „пашенные люди" — дауры. Эти дауры, племя манчжурского происхождения, родственное тунгусам, не были похожи на других, знакомых русским

сибирских дикарей. Постоянные сношения с китайцами, которые приезжали к ним для сбора дани и для торговли и привозили им всякие товары — шелковые материи, серебро и т. п., — способствовали сравнительно высокой культурности среди них. Казаки нашли у них хорошо построенные деревянные дома с окнами, затянутыми, вместо стекла, бумагой собственного производства. По внешности дауры походили на китайцев: мущины носили по китайскому обычаю косы, одевались в кафтаны из шелковой материи. И по образу жизни они отличались от кочевников Севера: жили оседло в своих улусах (деревнях), занимались земледелием и скотоводством. Вокруг их селений были раскинуты поля, засеянные ячменем, овсом, просом, гречей, горохом. Из огородных овощей у них встречались: бобы, чеснок, мак, дыни, арбузы, огурцы; из фруктов: яблоки, груши, грецкие орехи; из конопли они умели выделывать масло. Скот попадался в значительном количестве: у них было много лошадей, коров, овец, свиней; на волах пахали, как у русских на лошадях; из Китая завезены были к ним и домашние птицы — куры. Культурное влияние Китая чувствовалось во всем: от китайцев приобретали дауры камки (шелковые материи), кумачи и металлы. С своей стороны, китайцы брали у них в обмен на свои товары и отчасти в виде дани — соболиные и другие меха. Охота на пушного зверя и составляла, наряду с хлебопашеством и скотоводством, основное занятие жителей, чему способствовало изобилие пушных зверей (соболей, рысей, лисиц красных и чернобурых) в окрестных лесах; стоило туземцу день поохотиться, как он приносил десять и больше соболей. Все в стране, открытой Поярковым, дышало изобилием и довольством. Недаром Приамурье показалось русским каким-то земным эдемом, в котором налицо было все, чего только можно было пожелать, начиная с винограда, который рос в диком состоянии, и кончая корабельным лесом.

Для того, чтобы заставить дауров платить ясак (дань) казаки захватили в заложники или, как тогда говорили, в аманаты одного даурского князца Доптыула. Таких аманатов русские обычно держали под стражей и в цепях; если аманат был знатен и влиятелен, его сородичи, опасаясь, чтоб русские с ним чего не сделали, соглашались обычно платить требуемую с них дань. Доптыул рассказал Пояркову много любопытных подробностей не только про свою Даурскую землю, но и про соседний Китай; с восторгом говорил он про роскошь и богатство китайского губернатора, управлявшего пограничной с даурами провинцией, про его город, окруженный деревянными стенами и земляным валом, про его войска, вооруженные не только луками, но и огнестрельным оружием и снабженные даже пушками. Он сообщил, что названный китайский губернатор ежегодно посылает на Зею и на Амур военные отряды тысяч в две или три человек для сбора с туземцев ясака; но что китайцы также приезжают к ним с мирными целями и привозят им для мены серебро, олово, медь и материи. Туземцы, между прочим, опровергали легенду о том, будто в самой Даурской земле родится серебро, и утверждали, что виденные у них серебряные изделия все китайского происхождения. От туземцев же Поярков узнал, что у дауров имеются укрепленные города и что ближайшим является город Молдыкидич, владетель которого, могущественный князь Досий, стоит во главе нескольких племен, насчитывающих в своем составе 500 человек воинов.

Между тем, среди русских стал ощущаться недостаток продовольствия, и Поярков решил снарядить экспедицию к князю Досию, чтоб достать хлеба. Сам он устроил укрепленное зимовье — острожек на устье реки Умлекана, впадающей в Зею, а Юрия Петрова с отрядом в 70 человек послал к городу Молдыкидич, поручив выманить лаской тамошних князьков, захватить их в плен в качестве ама-

натов и, отступя с ними в лес, укрепиться засекою. Едва Юрий Петров подошел к городку, как навстречу к нему вышли с поклоном князья Досий, Колпа и Доваря; двух первых казаки взяли в плен, а третьего, приходившегося сыном Доптыулу, который уже сидел в аманатах, отпустили обратно. Русским были отведены для жилья три юрты вне города; туземцы доставили им продовольствие: 40 кузовов крупы овсяной и 10 штук скота. Не довольствуясь покорностью жителей, Юрий Петров на следующий день в военном порядке с распущенными знаменами подошел к стенам городка, чтобы высмотреть, насколько он крепок и нельзя ли его взять штурмом, и потребовал, чтоб его впустили внутрь. Аманаты, которым он говорил про это, отвечали: „в острожке живут у них люди многие; русских людей они до сих пор не знали и, пожалуй, учинят с ними бой, и от того произойдет большее зло". Петров, однако, заупрямился и, взяв с собой насильно Досия и Колпу, пошел на приступ города. Тогда дауры, сидевшие внутри, внезапно произвели вылазку, бросившись сразу из ворот и из подземных выходов; одновременно из окрестностей прискакало много вооруженных всадников. Произошел кровопролитный бой, во время которого случайно был убит Колпа, а другой аманат Досий, убив сторожившего его служилого человека, бежал к своим. В результате боя — 50 русских было переранено „больно", так что не в состоянии были даже уйти далеко от острожка. Они заперлись в юртах и должны были выдержать трехдневную осаду. На третью ночь им удалось незаметно бежать из юрт. В течение десяти дней они шли в полном вооружении, в куяках (панцырях), пока не добрались до острожка на Умлекане, добрались израненые, без аманатов, без продовольствия, на которое рассчитывали их товарищи. Понятно, что Поярков встретил их далеко не приветливо. „С добычею ли пришли?" был первый вопрос к ним. „Не только

что с добычей, и свое потеряли“, отвечали те. Дело было в январе; предстоял голод до поздней весны, когда вскроется река и будут доставлены припасы, оставленные на Гономе. Имевшийся хлеб разделили между служилыми людьми; пришлось по 30 ф. на человека. Стали есть сосновую кору и коренья. Положенье ухудшалось тем, что последний аманат Доптыул, хотя его и держали в оковах, все-таки ухитрился бежать, и туземцы стали нападать на русский лагерь. Нападения их были, впрочем, отбиты, и трупы убитых дауров валялись на лугу перед острожком. В острожке, между тем, голод принял ужасающие размеры: запасы вышли совершенно, люди стали помирать. Тогда Поярков начал говорить своим сотоварищам: „кому не охота в острожке с голода помереть, и они-б шли на луг к убитым иноземцам и кормились, как хотят“. Человек десять послушались его совета, выбрели из острожка и питались трупами врагов. Голод доводил до жестокости. Те служилые люди, которые оставались с Поярковым в острожке, потребовали, чтобы их товарищи, питавшиеся на лугу человеческими трупами, были обысканы, и у них были отняты и поделены остатки продовольствия; беспощадно отобрали у этих несчастных у кого фунт, у кого два, у кого три муки. Когда снег стаял и появилась трава, изголодавшиеся казаки набросились на „корень травный“, но и тут случилось несчастье. Двое служилых вышли на луг; одному из них занеможилось, и его товарищ развел костер, чтоб его обогреть; от костра загорелась трава, луг выгорел, и русские лишились последнего средства пропитания. Озлобление голодавших казаков достигло величайшей степени. Пояркова стали упрекать в том, что он повел людей на верную смерть. „Не дороги мне служилые люди“, отвечал цинично Поярков: „десятнику цена десять денег (пятачок), а рядовому два гроша“. Стали говорить, что он нарочно велел поджечь луг, чтоб поднять цену на сбереженный им хлебный

запас; верили и подобному вздору. Когда, наконец, приплыли суда с запасами, то с голоду успело умереть 40 человек.

Собравши свой поредевший отряд, Поярков пустился в дальнейший путь вниз по Зее. Он плыл по местности, довольно густо населенной племенами дауров. По берегам тянулись хорошо обработанные пашни, виднелись табуны коней и стада коров; но жители не позволяли теперь русским высаживаться на берег, обзывали их „погаными людоедами". Достигнув устья Зеи, Поярков послал вперед для разведок отряд из 26 человек. Здесь обитал народ, родственный даурам, — джючеры, ничем не отличавшиеся по образу жизни от дауров, как и они, занимавшиеся земледелием, скотоводством и охотой, и, как они, платившие дань китайскому императору. Джючеры внезапно напали на стоянку разведчиков и перебили их всех; уцелело только два человека. Они и принесли известие о катастрофе Пояркову, который стоял всего в полпути от места погрома, но не подозревал о происшедшем.

Наконец, экспедиция выплыла в Амур и направилась вниз по течению к морю. Четыре дня плыли по стране, населенной пашенными джючерами, и достигли страны ачанов или натков, по которой ехали две недели. Ачаны и по языку и по образу жизни ничего не имели общего с даурами и джючерами. Культурное состояние их было гораздо ниже. Казаки не нашли у них ни пашен, ни огородов. Не существовало у них и скотоводства, если не считать разведения свиней; вместо лошадей они пользовались для езды собаками. Питались они почти исключительно рыбой, кокорой изобиловал Амур (казаки сравнивали эту реку с Волгою по качеству и обилию рыб — стерлядей, осетров и т. д.). Рыбу они не солили, а валяли на солнце и в течение зимы исключительно жили заготовленными таким образом запасами; из рыбы же они выделывали масло, служившее для

освещения их хижин. Рыба доставляла ачанам не только средство прокормления, но и одежду. С необычайным искусством выделывали они рыбьи кожи, раскрашивали их в разные цвета, кроили и сшивали посредством тоненьких ремешков, сделанных тоже из рыбьей кожи. Это дало повод китайцам прозвать как ачанов, так и их соседей гиляков Ю-пи-тадзе, т.-е. „жители северных стран, одевающиеся в рыбьи кожи“. Ачан с серебряным кольцом в носу и несколькими большими кольцами в каждом ухе, с волосами, собранными в пучок на макушке, во многом походил на настоящего дикаря; но китайское влиянье проникло и сюда, и свою одежду из рыбьей кожи он шил по манчжурскому покрою, придавая ему лишь несколько больше пестроты. Ближе к Китаю, ачаны подчинялись еще сильнее культурному воздействию своих соседей: брили голову, переставали носить кольца. Ачанские женщины украшали подолы платьев монетами и бубенчиками, а волоса сплетали в косы и увешивали перстнями, маленькими зеркальцами и другими безделушками, которые привозились к ним китайскими купцами. Хижины наиболее богатых ачанов были убраны снаружи орлиными перьями; внутри занавесками, постелями и одеялами служили соболиные и лисьи меха.

Плывя далее вниз, Поярков из страны ачанов попал в страну гиляков, которые заселяли низовья Амура и Амарское устье. Они, как и ачаны, жили почти исключительно рыболовством, бесстрашно выезжая в своих маленьких берестяных лодках в открытое море и достигая в своих рыболовных поездках даже берегов Сахалина, населенного, по их словам, родственным им племенем „волосатых людей“ (айносы). На берегу русские видели их бревенчатые юрты и клети без окон, возле которых висели большие запасы сушеной рыбы. Воинственные и свирепые дикари, они еще совсем не подвергались китайскому влиянию, ходили полунагие в одежде из звериных и рыбьих кож, носили кольца

в носу и ушах, не брили голов и завязывали в пучок свои длинные волосы. Для езды гиляки пользовались собаками, которых держали по несколько сот и даже до тысячи штук. В гиляцких улусах русские, кроме того, с изумлением увидали ручных медведей, которых туземцы на Амуре до сих пор держат у себя в юртах, почитая за богов. Не понимая, в чем дело, казаки решили, что гиляки „на медведях ездят", как на собаках.

Гиляцкою землею Поярков плыл две недели. В устье Амура глазам русских представились грандиозные заросли древовидного камыша, который не позволял приблизиться в лодках к топким и болотистым берегам. В устье Амура Поярков и зимовал. Тут удалось захватить в аманаты трех гиляцких князцов и собрать с гиляков ясак: 12 сороков соболей и 6 шуб собольих. В начале лета Поярков вышел в открытое море и пошел вдоль берега на север. После двенадцатидневного плавания он достиг устья реки Ульи, где зимовал и собрал ясак с окрестных тунгусов. Ранней весною он с верховьев Ульи по самому последнему пути перетащился нартами через волок на реку Маю, впадающую в приток Лены Алдан, и добрался до Якутска 12 июня 1646 года, ровно через три года после своего отъезда. Из вышедших с ним 127 служилых и охочих людей вернулось всего 40—50 человек.

Возвращенье Пояркова, рассказы о том, насколько открытые им землицы „людны, хлебны, собольны: и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны", уверенность, что „тех пашенных хлебных сидячих людей под государеву высокую руку привесть можно" — вызвали сильное оживление среди русских в Якутске. Вновь открытый Амур — „новая Лена" — привлекал слухами о природных богатствах; расчеты на добычу возбуждали страсти; возможность войти в сношения с неведомым Китаем манила воображенье. Якутский воевода Василий Пушкин поспе-

шил снарядить новую экспедицию в Дауры, которая достигла „Даурского камня“, т.-е. перевала на Зею, но не решилась итти дальше. Заволновались и промышленные люди. Рассказы о Даурской земле смутили и Хабарова и заставили его бросить его заимку на устье Киренги. Он незадолго перед тем потерпел сильную неудачу: воевода Петр Головин реквизовал у него все наличные запасы хлеба, отобрал в казну его соляную варницу, самого его держал в тюрьме, из которой он вышел почти совершенно разоренным, так как казна так и не заплатила ему за взятый у него хлеб. Он, кажется, подумывал даже бросить свои предприятия в Сибири и вернуться обратно на родину к своей семье, как вдруг в его глазах мелькнули новые и широкие возможности на далеком юго-востоке, открывая для его предприимчивости негаданные горизонты. В его уме сложился смелый план, перед которым бледнела вся его предшествующая скромная деятельность в качестве ленского крестьянина. Мысль о возвращении на Русь была оставлена; помыслы все сосредоточивались вокруг Даурской земли.

. . .

Весною 1649 года в Якутск ехал из Москвы вновь назначенный воевода Дмитрий Андреевич Францбеков. Ливонский немец по происхождению (Фаренсбах), лет за 20 перед тем поступивший на московскую службу и принявший православие, но далеко еще не обрусевший и, по мнению знавших его русских людей, еще не вполне отрекшийся от протестантизма, Францбеков мало походил на обычного типа воевод, привыкших действовать по известной рутине и готовому шаблону. Предприимчивый, энергичный, он искусно умел сочетать свои личные выгоды с государственной пользой, был способен на широкие и сильные замыслы и вносил в дело много практического ума и сметки крупного дельца. Еще прежде, чем он доехал до Якутска, он был на пути встречен Ярофеем Хабаровым,

который подал ему челобитье с просьбою разрешить ему снарядить за свой счет, без всякой субсидии от казны, экспедицию на Амур. Сметливый немец быстро сообразил, что предприятие Хабарова может принести пользу не только государю, но и ему самому, охотно дал свое согласие и даже принял непосредственное участие в организации дела и в риске, связанном с ним.

Вызываясь за свой счет снарядить поход в Дауры, Хабаров не имел ни копейки за душой, так как еще, повидимому, не оправился от понесенных от Головина убытков. Между тем, предстояло нанять 150 человек, снабдить их деньгами, хлебом, оружьем, свинцом и порохом, обувью и платьем, словом, всем необходимым для похода, приобрести суда и оснастить их, на это, по тогдашним ценам, требовалась громадная сумма в 7—8 тысяч рублей [1]). Вот тут-то и пришел на помощь Хабарову Францбеков. Он открыл ему широкий кредит из государевой казны, выдав ему в долг казенное оружье (пушки, пищали, куяки, порох, свинец), сукна, котлы и сельско-хозяйственный инвентарь для устройства пашенных поселений. Не ограничиваясь этим, Францбеков предоставил в распоряжение Хабарова и собственные средства, расчитывая впоследствии с лихвою покрыть свои расходы из даурской добычи. Он ссужал деньгами и тех из промышленных и служилых людей, которые примкнули к походу. Деньги он давал под очень высокий процент; кому даст 10 рублей, а „кабалу" (вексель) напишет на 15 рублей, кому даст 20, а кабалу напишет на 30 рублей и т. д. Таким образом, Францбеков крепко связал себя с успехом затеянного Хабаровым предприятия.

Снаряжая Хабарова, Францбеков своими произвольными действиями нажил себе много врагов. Хабаров нуждался

---

[1]) Не менее 100.000 — 120.000 руб. (до-военных).

для похода в достаточных запасах провианта, и Францбеков не постеснялся для этого отобрать безденежно хлеб у торговых людей; у них же он принудительно забрал суда, необходимые для экспедиции. Среди пострадавших оказались два очень богатых купца: прикащик устюжанина гостя Василия Федотова Семен Нерадовский и вычегодский крестьянин Иван Осколков. Произвол воеводы вызвал естественно сильные нарекания на него и на покровительствуемого им Хабарова.

Между тем, Ярофей для начала набрал 70 человек и, при помощи Францбекова запасшись всяким снаряженьем, осенью того же 1647 года пустился в путь по Лене и по Олекме. Собранная им ватага шла с ним исключительно в расчетах на добычу. Не успели отъехать от Якутска, как начался грабеж. Ратные люди Хабарова на пути стали громить мирных якутов, подданных московского государя, отбивали у них скот и, в случае сопротивления, стреляли в них из ружей и многих переранили. Не было пощады и русским промышленникам, попадавшимся навстречу. На Олекме пограбили промышленную ватагу солевычегодца Павла Бизимова; в другом месте разграбили зимовье Андрея Матвеева Ворыпаева, отобрали у него товары и запасы, самого его избили и грозились утопить.

Понятно, что грабежи хабаровских полчан еще больше усилили негодованье как на Хабарова, так и на его могущественного покровителя. Русские торговые и промышленные люди, собиравшиеся для торгов и промыслов в Якутск, вообще сильно страдали от корыстолюбия местных воевод. Францбеков в этом отношении превзошел своих предшественников. Изо всего расчетливый и не стеснявшийся в средстах немец умел извлечь известный доход. Он не давал разрешения на отправку на промыслы иначе, как за крупную взятку, и от его задержки многие промышленники победнее пропускали охотничий сезон, а кто богаче, нес

ему деньги, мед и т. п., чтоб добиться отпуска. Он часто устраивал также обеды, на которые приглашал торговцев и промышленников; присутствие на этих обедах было обязательно, и гости, в благодарность за угощенье, должны были платить хозяину по рублю. Все эти поборы переносились с тем большим нетерпеньем, что самая личность Францбекова была для русских чрезвычайно несимпатична. Его называли „немкиным сыном", упрекали в том, что он не настоящий православный, говорили, что его не следует пускать в церковь, так как такие выкресты, как он, „приходя в церковь божью, только мир мрачат, а христианства за собою не имеют".

Реквизиция хлеба и насилия Хабарова явились последней каплей воды, которая вызвала открытый взрыв среди притесняемых воеводой приезжих русских людей. Среди них возникла мысль так или иначе избавиться от воеводы-немца. Нашелся у недовольных и высокий покровитель. Бывший якутский дьяк Петр Стеншин, срок службы которого окончился, жил без дела в Якутске, так как Францбеков не давал ему разрешения на отъезд, под предлогом, будто он не сдал отчета. Задержка, которую ему чинил новый воевода, сильно раздражала Стеншина, и он сделался заклятым врагом Францбекова. Он подружился теперь с торговыми людьми и сделался душой затеянного ими заговора. Решено было устроить воеводе большой скандал в самый день царского ангела — 17 марта 1650 года. В этот день в городском соборе имела по обыкновению место торжественная служба. В собор пришел Францбеков с служилыми людьми. Войдя в трапезу, уже наполненную молящимися, он сразу увидал что-то неладное. „Что вы, батька, мешкаете и не начинаете заутрени?" спросил он священника. Тогда выступил вперед ярославец Никита Агапитов, на которого была возложена главная роль в затеянной смуте. „Постойте, батьки", сказал он, обращаясь

к духовенству: „не спешите служить заутреню; сегодня ночью было мне явление, не хочу я этого потаить и не объявить в мир“. Францбеков, догадавшись, что дело касается его, попробовал уйти, но его задержали, и Агапитов начал говорить: „послушайте, мир крещеный! сегодня ночью, когда я стал забываться сном, отворились двери из сеней в избу, и я, испугавшись, встал. Ажно идет впереди Алексей человек божий, а за ним два юноши несут образ всемилостивого спаса, и от того образа был мне голос: Никита! не страшись, а пойди в соборную церковь и сказывай, не утаи, чтобы миряне не жили беззаконством“. В заключенье он заявил, что спас не велел воеводу Дмитрия Андреевича Францбекова, как ведущего беззаконный образ жизни, впускать в церковь, приказывает отрешить его от должности и отобрать у него в казну все награбленное им — меха и деньги. Слыша эти слова, Францбеков прослезился: „если уж я не достоен быть в церкви“, сказал он, „то я пойду вон“; однако, он, говоря это, оглянулся кругом себя и увидав в трапезе служилых людей, приказал им посадить Агапитова в тюрьму. Но это было легче сказать, чем сделать. Торговые и промышленные люди подняли шум. „Подожди, будешь и сам ты, воевода, рад покою“, кричали ему из толпы; „забудешь, как нашу братью в тюрьму сажать!“ Францбекова схватили за руки. Раздались крики, что надо исполнить приказание спаса и итти на воеводский двор, чтобы взять на государя его имущество. Неизвестно, чем бы кончилась смута, если бы в дело не вмешались влиятельные богатые купцы; сами неоднократно страдавшие от корыстолюбия воеводы, они все-таки понимали бессмысленность и опасность задуманного шага и поспешили спуститься в трапезу, чтобы успокоить разбушевавшуюся толпу. Вмешались в дело и служилые люди. „Православные и мир крещеный!“ говорил старый служака Семейка Рогачев; „не гораздо у вас делается, мятеж и убийство заводите!

Лучше бы велеть заутреню служить, а потом молебствовать о государевом здоровье!“ А своим товарищам служилым людям он говорил с добродушным юмором: „если что случится не гораздо, торговые пойдут себе на Русь, промышленные разойдутся по промыслам, а отвечать придется вашим головам — быть маслу на спине, течи по пятам“. Его намек на кнут был понят. „И так у нас, старик, на спине кожа дубленая“, отвечал один из его товарищей. Под влиянием слов Рогачева, служилые люди заступились за воеводу и прекратили беспорядок, а через несколько дней Францбеков распорядился арестовать зачинщиков смуты. Служилые люди в шапках ворвались в церковь, произвели бесчинство, опрокинули свечи, избили одного из главных участников в событии 17 марта Авраама Абрамова и увели его окровавленного в съезжую избу; Никита Агапитов успел бежать из церкви на двор к Стеншину, но несколько позднее был все-таки тоже арестован. Так закончилась загадочная история с „сонным видением“, всколыхнувшая все население Якутска. Но прошла она не бесследно. Те самые богатые торговые люди, которые способствовали прекращению мятежа, теперь, когда смута была утишена, поспешили сообщить в Москву своим родственникам и своим хозяевам обо всем, что имело место в Якутске, начиная с отправки Францбековым Хабарова в Дауры, сопровождавшейся конфискацией хлеба и грабежами, и кончая „сонным видением“ злосчастного Никиты Агапитова. Об этом писали Семен Нерадовский своему хозяину гостю Василию Федотову, а Иван Осколков своему брату. В Москве среди влиятельного купечества известия о лихоимстве и притеснениях, чинимых Францбековым их братье, вызвали сильное волнение. На его действия и на действия Хабарова было подано царю несколько челобитных, и в феврале 1651 года последовала резолюция о производстве следствия по поданным жалобам.

II.

ХАБАРОВ НА АМУРЕ.

Хабаров пошел в Даурье иным путем, чем шел в свое время Поярков. Он поднялся вверх по притоку Лены Олекме до устья реки Тугира и вверх по Тугиру до волока, который отделял эту реку от Урки, впадающей в Амур. Выступив поздно в поход, Хабаров был застигнут заморозками на устье Тугира и дальше должен быд итти на нартах. Ранней весной 1650 года он добрался до Амура и проник во владения князя Лавкая, давно манившие воображение русских искателей приключений слухами о серебряных рудниках. Но страна оказалась покинутой жителями. Пустым стоял укрепленный город Лавкая с его пятью башнями, рвами и предстенными крепостями, с „подлазами“ (т.-е. подземными ходами) под всеми башнями и тайниками, ведшими к воде, огибаемый речкою, впадающей в Амур, и казавшийся совсем неприступным. „И только-б

на них страх божий не напал“, говорил впоследствии Хабаров: „ино было и подумать нельзя и не такими малыми людьми такую крепость брать“. Русские, войдя в единственные проезжие ворота, не без изумления осматривали внутри города обширные и светлые дома с большими окнами, затянутыми, вместо стекол, самодельной бумагой; в каждом таком доме могло помещаться человек по 60 и больше. Из Лавкаева города Хабаров пошел дальше вниз по Амуру, расчитывая где-нибудь захватить аманатов. Но и другой город, встреченный им, принадлежавший, как узнали казаки, зятю Лавкая и не менее первого укрепленный, оказался тоже покинутым населением, как и окружавшие его селения. В таком же виде был и третий город, в котором Хабаров расположился станом, расставив по стенам караулы. В тот же день сторожа, стоявшие на карауле, увидели пятерых всадников и поспешили сообщить о том Ярофею. Последний велел толмачу спросить этих всадников, что они за люди? Один из них, старик с виду, оказался самим Лавкаем; с ним были его два брата, Шилгиней и Гилдега, его зять и один раб. Лавкай, с своей стороны, спросил через толмача: „какие вы люди и откуда пришли?“ Желая хитростью поймать их в заложники, толмач прибег к обычному в таких случаях обману и отвечал, что они промышленные люди, пришли к даурам торговать и привезли для них много подарков. На это Лавкай сказал ему: „что ты обманываешь? мы вас, казаков, знаем; прежде вас был у нас казак Ивашка Елфимов Квашнин, и тот нам сказал про вас, что вас идет 500 человек, а после-де тех людей идут иные многие люди, а хотите-де всех нас побить и пожитки наши пограбить, а жен и детей в полон взять“; потому-то он, Лавкай, с братьями и со всеми людьми разбежались. Хабаров через толмача стал уговаривать князьков давать государю ясак. На это братья и зять Лавкая отвечали, что им за ясак стоять не за что,

но Лавкай прервал переговоры, сказав: „еще посмотрим, каковы люди!“ С этими словами, всадники ускакали прочь. Тогда Хабаров тотчас поднялся со всею своею ратью и пошел за ними вослед, в надежде догнать племя Лавкая. Через день казаки дошли до другого города, тоже оставленного жителями, и, продолжая путь ночью, на следующий день к полудню опять натолкнулись на новый город, с четырьмя башнями, глубокими рвами, подлазами и тайниками. Здесь им удалось захватить в одном из покинутых домов женщину, которая сначала говорила, что она родом даурка и выкуплена Лавкаем из китайского плена, а потом стала утверждать, что она приходится родной сестрою Лавкаю. Ее подвергли пыткам и жгли на огне, добиваясь от нее, для чего князь Лавкай со своими людьми побежал из своих городов? Она отвечала то же самое, что раньше говорил сам Лавкай: что туземцы были предупреждены казаком Ивашкою Квашниным и, поднявшись со всеми своими пожитками на 2500 лошадях, бежали за три недели до прибытия Хабарова. Очень много рассказывала она и про Китайскую землю, в которой она некоторое время находилась в плену, и, в частности, про китайский город на реке Науне, в котором ей пришлось жить, про его башни, земляные укрепления, лавки с товаром и образно описывала роскошь и великолепие имевшего в нем пребывание императорского наместника („цзянь-цзюня“, как называли его китайцы): „у него есть—говорила она—огненный бой, пушки, пищали; сабли и луки и всякое оружие изукрашено у него золотом и серебром; в его светлицах серебряные золоченые казенки (павильоны); все сосуды, из которых пьют и едят, — золотые и серебряные“. Вся страна, по ее рассказам, представлялась сказочной по богатству и изобилию: в ней родится золото и серебро, имеются всякие дорогие узорочные материи, товары и драгоценные камни; много гораздо соболей; по реке Науну плавают большие суда с товарами,

она не знает откуда. Верховным государем над цзянь-цзюнем был богдойский, т.-е. манчжурский хан — император Шунь-Чжи или Шамшакаи, как его называли дауры.

Убедившись, что, пешие, они не в состоянии догнать отступающего Лавкая, казаки повернули обратно и возвратились в первый Лавкаев город, наиболее укрепленный и построенный как раз на реке Урке, откуда начинался путь на Лену, который он как-будто охранял своими неприступными башнями. Найденный в большом количестве в ямах хлеб, запрятанный туземцами при бегстве, позволял продовольствоваться без затруднений, но Хабаров не мог не понимать, что поход, в сущности, был неудачен. Это даже не был поход, а простая рекогносцировка, которая только показала, что с несколькими десятками человек нельзя и думать о завоевании обширной и многолюдной Даурской земли. Поэтому, оставив своих товарищей в Лавкаевом городе, он сам пошел в Якутск набирать новых ратных людей.

Прибыв в Якутск в конце мая, Хабаров расповестил про открытый благодатный край, про обширные луга и пашенные земли, которые он видел на Амуре, про богатую растительность, про великие темные леса, изобилующие соболями и всяким зверем, про разнообразие пород рыб, которыми Амур не уступает Волге, словом, про страну, которая „против всей Сибири будет украшена и изобильна". Эти рассказы привлекли под знамена ловкого предпринимателя многочисленных „охочих людей". Из них Хабаров набрал вновь 117 человек и, сверх того, получил от своего покровителя Францбекова отряд служилых людей в 21 человек и три пушки. Всего, таким образом, у него составилось „войско" в более 200 человек. С такою силой можно было сделать попытку продолжать оборвавшийся в самом начале поход.

С набранными вновь ратными людьми Хабаров весною 1651 года вернулся на Амур к оставленным им там товарищам, но уже не застал их на прежнем месте, в Лавкаевом городке. Оказалось, что в его отсутствии они не сидели, сложа руки. Двенадцать раз ходили они в походы на владения Лавкаева брата Шилгинея и захватили в аманаты его жену и младшего сына. Когда же вышел весь запас хлеба, найденный ими в ямах, они покинули свою стоянку и пошли на город князца Албазы, зятя упомянутого Шилгинея. Албаза, увидав малочисленность русских (их было всего 52 человека), отказался платить дань, замышляя напасть на них и их перебить. Тогда казаки попробовали взять Албазин город штурмом: сделали щит на колесах и стали приступать; но при первой вести об опасности из окрестностей сбежались дауры. Русские были отбиты и вынуждены отступить, потеряв четырех человек убитыми. Отойдя, они поблизости от оказавшегося неприступным города поставили собственный острожек, в котором и дожидались возвращения Хабарова.

Когда Хабаров с артиллерией и многочисленным отрядом ратных людей присоединился к казакам, сидевшим в острожке под Албазиным городом, дауры, не расчитывая справиться с такими большими силами, бежали и бросили свой город на произвол судьбы. Ярофей вступил в него без боя; его казаки на лодках преследовали неприятеля до соседнего Атуева города, которого достигли ночью. Утром дауры с ужасом увидали русских под стенами города, подожгли его и бежали дальше, но к полдню были застигнуты казаками и разбиты в сражении. Победители захватили много скота и с добычей вернулись к Хабарову, который ожидал их в Албазине городе. Отсюда он совершал набеги на окрестных туземцев, захватывая пленников и аманатов и терроризуя дикарей своими пушками. С побежденными он обходился с той безудержной жестокостью,

которая воспитывалась у людей его типа опасностями военной жизни и отсутствием каких-либо нравственных устоев: в одном случае он приказал утопить всех пленников-мужчин, а жен, детей и шубы собольи, по казацкому обычаю, „подуванить“; аманатов он заставлял работать на себя и на своих приятелей, многие из них разбежались от дурного обращения, иных он порубил. Жену Шилгинея, которая не подчинилась его насилью, он ночью удавил. Через несколько времени после того Шилгиней с другими князьями приехал к городу с ясаком и стал говорить: „жива ли моя жена у вас? Покажите мне жену, и я ясак дам со ста человек: я приехал ныне с полным ясаком“. Хабарову некого было показать даурским князцам, и дауры, покружив в течение нескольких часов вокруг города по полю, с бранью отъехали прочь.

К началу лета Хабаров построил большие и малые суда для поездки вниз по Амуру. 2 июня он выехал из Албазина и на следующий день достиг города князя Дасаула, который оказался не только пустым, но и сожженным. Далее по пути попадались населенные юрты, но жители, увидав издали русских, тотчас метались на коней и скакали прочь, а жилища свои поджигали и пускали дым; казакам удалось захватить в плен только несколько женщин. Дня через два-три наехали на город князя Гуйгудара, в котором туземцы сосредоточили большие военные силы. Как только русские попробовали пристать к берегу, из города вышли сам Гуйгудар и еще два князя со всеми своими людьми и попытались воспрепятствовать их высадке; среди туземцев выделялось несколько китайцев, живших в городе Гуйгудара для сбора ясака с дауров. Казаки с судов ударили по толпе из ружей и уложили двадцать человек. Дауры отхлынули от реки, и казаки, воспользовавшись их замешательством, пометались на берег и бросились вослед за ними. Гуйгудар со своими за-

сел в городе; китайцы же отъехали в поле и воздержались от дальнейшего участия в военных действиях.

Город Гуйгудара был только что перед тем построен общими усилиями нескольких даурских племен, очевидно, в виду опасности со стороны русских. Обширный по размерам, он занимал пространство в полдесятины и представлял собою, в сущности, целых три земляных города, стоявших рядом и соединенных между собою стенами. Ворот в нем не было, но из-под башен шли пространные подлазы в ров, через которые могли выезжать всадники на конях. Внутри находились глубокйе ямы, куда были спрятаны женщины, дети и скот. Кругом города тянулось два рва в сажень глубиною. Стоявшие поблизости поселенья были сожжены жителями, которые все собрались за стенами города.

Высадившись, русские приступили к штурму укреплений. Дауры с башен обсыпали их стрелами. Тогда Хабаров стал через толмачей уговаривать Гуйгудара и других князей сдаться. „Наш государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии страшен и грозен и всем царствам обладатель", велел он говорить толмачам: „и никакие орды не могут стоять против нашего государя и нашего боя, и вы, князья Гуйгудар, Олгодий и Лотодий, будьте нашему государю царю послушны и покорны, сдайтесь без драки и нашему государю ясак давайте по своей мочи, и велит зато государь вас оберегать от иных народов, кто вас притесняет!" На это Гуйгудар отвечал: „даем мы ясак китайскому императору Шунь-Чжи хану, а вам какой ясак у нас? Как мы бросим последним своим ребенком, то мы вам с себя ясак дадим!" Тогда казаки выдвинули пушки и из-за наскоро устроенных земляных насыпей стали бить по башням нижнего города и стрелять из мелкого оружья: из пищалей и из мушкетов"[1]). С своей стороны, дауры стреляли из

---

[1]) Пищали и мушкеты — старинные ружья.

города из луков; тучи стрел обсыпали поле, которое все покрылось стрелами, „как нива стоит насеяна“ — колосьями. Бой продолжался всю ночь до восхода солнца, когда, наконец, удалось пробить стену, и „куячные люди“ [1]), а иные и без куяков, за щитами, бросились в пролом, завладели стеною и ворвались в нижний город. На приступе, по утверждению Хабарова, было перебито 214 человек неприятелей; десятка полтора успели выбежать из города: „только те и ушли“, хвалился впоследствии Ярофей. Остальные заперлись в двух верхних городах; из занятого ими нижнего города казаки принялись обстреливать их из ружей и пушек. Сжатые со всех сторон, дауры защищались отчаянно. Начался рукопашный бой; дауры пустили в ход копья, но были все перебиты „в пень с головы на голову“. В этом последнем бою пало 427 человек взрослых и детей; всего же потери дауров исчислялись в 661 человек. Казаки потеряли только четырех человек убитыми, да 45 было легко ранено. В добычу победителям досталась масса пленников: „бабья“ старых и молодых и девок 243 человека, да ребят 118 человек, 237 лошадей и 113 штук рогатого скота.

Китайцы в бою не участвовали и только ездили по полю и издали следили за ходом сражения. Взятые в плен женщины сообщили, что Гуйгудар звал их к себе в город на помощь, но они отказались драться с русскими. На следующий день от них пришел к казакам в город один человек. Он был одет в шелковое платье и имел на голове соболью шапку и говорил по-китайски. У русских не было толмачей, знавших китайский язык; пришлось воспользоваться услугами даурских женщин, которые сами плохо разумели по-китайски. С грехом пополам поняли, что китаец говорил: „наш император Шунь-Чжи нам с вами, с казаками, свидеться велел честно“. Потом он что-то долго

[1]) Одетые в куяки, т.-е. панцыри.

толковал по-своему, но понять его никто не мог. Хабаров одарил его и отпустил с почетом. Так миролюбиво произошла первая встреча на Амуре представителей двух великих народов, которым предстояло в скором времени вступить в кровопролитное соперничество за обладание этой рекою.

Хабаров простоял более шести недель в завоеванном им городке и посылал оттуда к окрестным князьям уговаривать их подчиниться, но никто не явился на его призыв, и он решился плыть дальше. Погрузились опять на суда, поставили на них лошадей и двинулись в путь. Через два дня достигли города князя Банбулая, как обычно, покинутого жителями. Кругом на полях стоял несжатым брошенный ими хлеб. Место показалось подходящим для поселенья. По суеверному обычаю, бросили жребий, „и по жребию изволил господь бог жить тут в Банбулаеве городе". Хабаров вез с собой запас сельско-хозяйственных орудий, взятых им в долг из якутской казны; он стал продавать серпы и косы казакам, которые собирались для начала сжать на полях даурский хлеб. Через неделю Хабаров пошел разыскивать владельца города. На требование дани Банбулай ответил гордым отказом: „какой вам от меня ясак?" Тогда казаки приступили к военным действиям и захватили несколько пленников. Последние с пытки показали, что ниже по Амуру, против устья реки Зеи, расположен улус князя Кокурея, а дальше стоит город крепкий и сильно укрепленный, поставленный усилиями всей Даурской земли, в котором живут князья Толга и брат его Омутей, Туронча и зять китайского цзянь-цзюня Балдачи. Страсть к приключениям и к добыче, побуждавшая большинство участников похода, дала себя знать. Все помыслы о прочном поселении были оставлены в надежде на новую наживу, и Хабаров 25 августа поплыл дальше, бросив Банбулаев город.

Через несколько месяцев после отъезда Хабарова, уже поздней осенью, в Банбулаев город, стоявший пустой и разломанный, прибыла новая партия казаков, в составе 110 охочих и 27 служилых людей, под предводительством Терентия Ермолина и племянника Хабарова Артемия Петриловского, посланная из Якутска на выручку Хабарову, по слухам о его тяжелом положении. Терентию Ермолину, кроме того, было поручено от Францбекова итти в качестве посланника в Китай и были даны посольские грамоты. Ермолин и Петриловский шли наспех; не доходя до Тугирского волока, им встретился посланный от Хабарова с просьбою „поторопиться ходом наскоро", и это заставило их не мешкать. Перевалив 10 сентября через Тугирский волок, они поделали суда и барки, и, оставив на волоку под охраной восьми человек всю поклажу, в том числе порох и свинец, тотчас пустились на розыски Хабарова; гнались за ним в течение восьми суток, пока близ Банбулаева города их не застигли заморозки. Они и остановились здесь на зимовку, но терпели сильную нужду в продовольствии, так как хлеба нигде нельзя было достать, а собственные их запасы оставались на волоку. Окрестные дауры, запуганные набегами русских, относились к ним с недоверием и не платили ясака. „Рады мы вашему государю ясак давать", — говорили они: „только вы люди лукавые, правды у вас нет". От пленных Ермолин узнал, что Хабаров уплыл в Джючеры, а о дальнейшем туземцы сами ничего не знали. „Ярофей", — говорили они: „нашу землю даурскую проплыл, а мужиков у нас, даурских, многих побил, ясырь (пленных) имал, а нас, даурских людей, в скопе нет нигде в Даурской земле". Посоветовавшись с десятниками и с рядовыми казаками, начальники решили отправить вперед небольшой отряд „для проведывания", чтобы предупредить Хабарова о прибытии вспомогательного войска, а самим дожидаться прибытия

с Тугирского волока запасов. Как только река вскрылась, 3 мая, „для ради вести к Ярофею, чтоб он и войско не уплыли на низ, к морю“, — был отправлен Иван Антонов Нагиба, во главе 27 человек, с приказанием плыть вниз по Амуру в течение десяти дней не более, а после, если не найдут Хабарова, возвратиться; ему предписывалось ехать с большою осторожностью, к берегу не причаливать, а стоять на якорях с караулом, на островах по пути класть письма, чтоб не разъехаться с Хабаровым.

Нагиба и его товарищи в течение предписанных десяти дней доплыли до Джючерской земли. Когда они здесь попробовали пристать, туземцы не пропустили их; по берегу скакали джючерские всадники, а на реке появилась целая флотилия, лодок в двадцать, каждая из которых вмещала, в среднем, 40 человек. Казаки не только не могли высадиться, но оказались до известной степени осажденными. Хотя, согласно полученного ими наказа, следовало уже возвращаться, но обратный путь был отрезан джючерами, и они решили пробиться дальше в Гиляцкую землю. Толпы туземцев преследовали их в лодках, провожая от улуса до улуса, и то и дело производя на них нападение. От одного пленника они узнали, что Хабаров находится в земле гиляков. Положившись на его слова, они плыли все вперед, но проводник изменил им и навел их на большое скопище гиляков. Со всех сторон окружили их многочисленные гиляцкие лодки, не пропуская их ни к берегу, ни вниз, ни вверх по реке. Две недели они стояли на якорях в осаде, отбиваясь от нападений дикарей. Наконец, вышли запасы продовольствия; они начали голодать. Между тем, на берегу, на юртах они видели запасы вяленой рыбы. Голод придал им мужества; они взяли берег штурмом и ворвались в селенье; на юртах в засаде лежали гиляки; начался бой, который продолжался с полудня до заката, и, наконец, враги были сбиты с юрт, и улус разграблен и

сожжен. Эта победа открыла им путь на низ. Они поплыли дальше, ища и не находя признаков Хабарова, и выплыли сами „не знаючи", — как они говорили, — из устья Амура в Амурскую бухту. Ехать обратно было невозможно, так как гиляки их бы не пропустили, тем более невозможно, что вверх по течению надо было итти бечевою по илистому и топкому берегу. С другой стороны, не было ни парусов, ни судовых снастей для путешествия по морю. Вытащили на берег и кое-как ремонтировали и обшили досками свое речное судно. Работа шла под постоянной угрозой нападения со стороны туземцев; приходилось все время держать караулы. Раз на море появились многочисленные лодки с дикарями, которые напустились на них боем; но русским удалось пробить одну неприятельскую лодку, которая пошла ко дну с сидевшими в ней людьми, после чего гиляки обратились в бегство. Приведя в порядок свое судно, Нагиба и его товарищи с необычайной смелостью пустились по морю на веслах и выгребли из губы. Открытое море оказалось покрыто плавающими льдинами, и в течение десяти дней невольных мореплавателей носило „во льду", пока этим льдом не прибило их судно к берегу и не раздавило, так что оно утонуло. Сами казаки выбрались вплавь на берег „душою да телом", а хлеб, свинец, порох и платье — все потонуло, „стали без всего", как они потом говорили. Потерпевшие кораблекрушение пошли „пешею ногою" по морскому берегу, и шли пять дней, питаясь водою, ягодами и травой, а также падалью: если находили выкинутого морем морского зверя — моржа или нерпу (тюленя), ели и это, „душу свою сквернили", по их словам: „нужды ради питалися". Добравшись до какой-то речки, они смастерили суденышко, на котором опять пустились бесстрашно по морю, и шли вдоль берега до устья другой речки. Здесь они увидели на берегу тунгусское становище; при виде русских, дикари бросились в бегство, и

побросали свои запасы сушеной рыбы. Это было большим счастьем для русских: они подобрали эти запасы и остались тут осеновать. Всего от устья Амура они шли до этого места 8 недель и 3 дня, терпя все время жестокую нужду и питаясь чем попало. Когда установился зимний путь, они на нартах поднялись через хребет, отделявший верховья речки, на которой они стояли, от бассейна Лены, чтобы спуститься в долину этой реки. По пути им посчастливилось найти тунгусскую „аргишницу“, т.-е. след от „аргиша“ (поезда оленьих санок), шли по ней четыре дня, и 27 декабря набрели на лагерь тунгусов, взяли у них аманатов и собрали ясак, а, главное, забрали у них в чумах продовольствие, в котором сильно нуждались. Положение их было очень тяжелое; у них не было даже топоров, так что они не могли сами продовольствоваться. Отсюда они дали знать о себе в Якутск.

III.

ВНИЗ ПО АМУРУ.

Мы оставили Ярофея Хабарова в конце августа 1651 г., когда, покинув Банбулаев город, он пустился на поиски новых земель и народов и поплыл вниз по Амуру. Оставив влево устье Зеи, казаки увидели на правом берегу улус князя Кокурея, о котором им говорили пленные туземцы; большое селение, состоявшее из 24 юрт, было покинуто жителями, убежавшими при первом слухе о приближении русских. В течение дня промелькнуло еще несколько поселков, а к вечеру показались башни того города, крепкого „свыше меры“, о постройке которого силами всей Даурской земли Хабаров слышал от инородцев. В момент прибытия казаков в городе не было людей, так как владельцы его, князья Толга, Турончa и Омутей, выехали в окрестности на пир. Этим воспользовались русские. Тяжелые суда не могли подойти близко к берегу; поэтому они пересели

в легкие лодки, и, подъехав к берегу, выскочили, побежали стремительно к городу и ворвались в него, не встречая никакого сопротивления, так как людей в нем было мало. Город был действительно сильно укреплен двумя стенами и тремя рвами. Завладев укреплениями, казаки взобрались на башни, чтоб с их высоты оглядеть окрестности. В расстоянии перелета стрелы, они увидали значительный по размерам улус, в котором заметно было большое оживление, так как в нем-то пировали князья с своими людьми. Первый заметил русских людей в городе князь Омутей, вскочил на коня и с криком ускакал прочь. Казаки бросились из города к улусу, „не щадя лица своего“, и окружили его. Толга и Турончa, с их семьями и людьми, засели в юртах и стали обороняться. Часть дауров, впрочем, успела бежать. Между тем, на судах услыхали пальбу и поспешно пригребли к месту боя. С судов сняли лошадей, и за беглецами погнались верхом, перехватали их и привели в город. Пока происходило преследование, осажденные в юртах туземцы продолжали отстреливаться. Хабаров велел толмачам уговаривать их сдаться. Князья отвечали: „за ясак нам что стоять? — только бы было постоянно. Мы ясак дадим, но сейчас у нас нет соболей; были у нас недавно люди богдыхановы, и мы им ясак дали“. После чего они добровольно вышли к русским из юрт. Их отвели в город. Князья изъявили полную покорность: „все дауры, живущие здесь с нами“, говорили они: „луков с 1000 и больше, мы теперь государю вашему все послушны, и ясак с себя станем давать по все годы. Пожалуйте, отпустите наших людей и рабов, жен наших и детей, а мы, князья, у вас сидим в заложниках, верьте нашим головам“. Действительно, по их призыву явился с повинною князь Омутей, успевший бежать, и с ним 300 лучших людей. Дауры присягнули по своей вере, а для верности оставлены были в аманатах князья Турончa с братом, Толга

с братом, один из братьев Омутея и, кроме того, еще три человека, пользовавшихся влиянием среди своих сородичей. Остальных мужчин отпустили и велели жить без боязни на прежних местах. Аманаты, примирившись с лишением свободы, настойчиво просили об одном, об освобождении их жен и детей. „Казаки забрали меня с бабами“, с горечью говорил Толга: „что лучше, моя ли голова или баб? Отпусти баб, и я ясак дам“. Казаки, „государю радеючи“, своих зипунов (добычи) не пожалели и „для постоянства и утверждения земли“ отдали всех женщин и детей, 170 человек, без выкупа. Когда их отпускали, Толга отрезал косу, которую носил по китайскому обычаю, и отдал своей жене; символический смысл этого обряда остался для русских загадкой, и только впоследствии они поняли, что это сделано было не спроста.

После освобождения пленных, дауры принесли в виде ясака 60 соболей, отговариваясь попрежнему: „нынеча у нас соболей нет; на осень дадим полный ясак“. Казалось, что с ними начинали устанавливаться добрососедские отношения: они мирно жили в своих улусах под городом „за один человек“ с русскими, привозили им продовольствие, беспрестанно ходили к ним в город, и русские, с своей стороны, тоже ходили к ним в юрты. Казаки мечтали прочно обосноваться в завоеванном городе; по жребию в нем уже были распределены участки для постройки изб, поставили особый двор, где держать аманатов, на всякий случай укрепили город башнями, на которые поставили пушки, и вновь сделали вокруг него частокол. Хабаров предложил желающим завести пашню; на призыв откликнулось много охотников, и Хабаров бойко торговал захваченными им с собою серпами, косами и сохами, назначая самые бессовестные цены. Словом, Толгин город, как прозвали казаки укрепление, в котором они обосновались, обещал сделаться форпостом русской колонизации

на Амуре, как вдруг 3-го сентября из юрт прибежал ходивший к туземцам казачий десятник (он же толмач) Костька Иванов с известьем, что дауры хотели его схватить и что он едва от них ушел. Не успел он закончить свой рассказ, как на глазах у казаков жившие в окрестностях города дауры сразу все поднялись, сели на коней, вместе с женами и детьми и ускакали, побросав свои жилища. Хабаров послал было их уговаривать, но уже никого не нашли в улусах, кроме двух старух. Тогда Ярофей стал упрекать аманатов, что они нарушили клятву и отослали своих людей. Князья отвечали: „мы не отсылали их, мы сидим у вас, а у них своя дума“. Толга добавил с благородным ожесточением: „чем нам всем помереть, лучше мы одни помрем за свою землю, коли к вам в руки попали“. Сколько ни бился с ними Хабаров, свирепые дауры твердили одно: „ведайтесь вы с нами, однажды вам в руки попали“. Хабаров прибег к пыткам, жег их на огне и бил кнутом, но они повторяли: „отсеките нам головы, раз уж мы вам на смерть попались“. Между тем, русские видели разъезжавших кругом города туземцев, но все попытки склонить их к возвращению не увенчались успехом. Так рухнули все предположения насчет прочной оседлости. Хабаров поневоле стал задумываться, что зимовать тут не на чем: хлеба близко от города нет и опасно испустить время. Влекла вперед и жажда новых приключений и новой наживы. 7-го сентября, после трех с половиною недель пребывания в Толгином городе, он приказал опять сниматься с места, грузить суда, выкатить пушки, и пускаться дальше в путь. Многие из его товарищей, уже мечтавшие о спокойной жизни на новооткрытых пашенных местах, покидали неохотно облюбованные ими земли, сели на суда со слезами и упрекали своего начальника в том, что он ведет их вперед, главным образом, из личных выгод. Перед отъездом, по распоряжению Хабарова, Толгин город

был сожжен. Князь Толга не пережил гибели своего города, и на другой же день скрал нож и зарезался.

Дальнейший путь шел мимо гористых берегов, довольно густо заселенных гогулами, улусы которых то и дело мелькали перед глазами русских. В один день они насчитали двадцать один улус; это, правда, были небольшие поселки, юрт по десяти каждый. Казаки высаживались, хватали пленников, побивали и рубили сопротивлявшихся, и плыли дальше. За устьем Сунгари (русские называли эту реку Шингалом) начиналась земля пашенных джючеров. Здесь встречались многолюдные поселения, юрт по 70 и 80, окруженные богатыми пашнями. Землею джючеров плыли целую неделю; по всему пути громили улусы, мужчин „рубили в пень", женщин, детей и скот забирали и делили между собою. На восьмой день вступили в землю „рыбьекожих" ачанов. Ачаны жили по берегам Амура, образуя многолюдные поселения, юрт даже в 100. Когда казаки пытались подъезжать в лодках к берегу, то туземцы выскакивали на берег и вступали в бой, но ничего не могли поделать против огнестрельного оружия русских. 29-го сентября казаки наплыли на очень большой улус, стоявший на левом берегу. Наступала зима. Хабаров, по казацкому обычаю, созвал на совещание своих товарищей, чтобы обсудить дальнейшие действия, и было решено зимовать в данном улусе. Поставили город и стали собирать ясак с ачанов. Надо было озаботиться также о продовольствии. Для этого в начале октября оснастили два судна и отправили 100 человек в экспедицию вверх по Амуру за рыбой.

Отъезд такого большого числа русских людей скоро сделался известен туземцам, и через три дня после их ухода, громадная толпа джючеров и ачанов внезапно на заре напустилась из прикрытия на город, в котором оставалось всего 106 человек. Казаки поспешно оделись в куяки, и 70 из них выскочили на вылазку, а 36 человек остава-

лось в городе. Бились часа два боевых; в то же время с городских башен стреляли по дикарям из пушек и из ружей; много инородцев было побито, остальные пустились в бегство. Казаки преследовали их, били в тыл и перехватали многих в плен; остальные бросились в свои пестро раскрашенные пироги и отгребли поспешно от берега. После бегства неприятеля, принялись считать убитых; их оказалось 117 человек со стороны нападающих; русских же был убит только один, да 5 человек ранено. Пленники показали, что для нападения собралась вся земля Джючерская и вся земля Ачанская, и что всего было их 800 человек. На следующий день благополучно вернулась с запасами рыбы отпущенная вверх экспедиция.

После описанного происшествия казаки накрепко укрепили свой город и остались в нем зимовать. Всю зиму питались рыбой, которую ловили баграми; совершали и набеги на окрестные улусы и собирали с них ясак. Так, 28 ноября подсмотрели казаки след санной дороги, проложенной туземцами, ездившими на собаках; по этому следу пошло 120 человек; набрели на ачан и вернулись с пленниками. Так прошла зима. Никто не тревожил города. Наступил уже канун благовещения, когда на долю казаков выпало новое и тяжелое испытание.

На мирную Даурскую землю русское нашествие, сопровождавшееся жестоким истреблением жителей и опустошением страны, произвело ошеломляющее впечатление. В течение менее двух лет цветущий и изобильный край был превращен в пустыню: города стояли в развалинах, пашни были заброшены, население, охваченное паникой, покинуло свои жилища и скрывалось. Не будучи в состоянии справиться собственными силами с всесокрушающим „огненным боем" пришельцев, дауры обращали свои взгляды в сторону могущественного Китая. Китайский император,

верховный государь Даурии, которому туземные князья, в знак подданства, платили сравнительно очень легкий ясак соболями, был единственным и естественным их защитником.

В описываемое время Китайский престол занимал император Шунь-Чжи. Он был маньчжур по происхождению. Его отец, знаменитый Тайцзун, владетель восточной Маньчжурии, принял императорский титул и, воспользовавшись смутами внутри Китайского государства, вмешался в дела империи и способствовал низложению династии Мин. После гибели последнего представителя этой династии, в 1644 году, Шунь-Чжи, еще мальчик по возрасту, был провозглашен императором в Пекине, и положил начало маньчжурской династии Дай-Цин, которая господствовала в Китае до образования в нем в недавнее время республики. Только юг оказывал еще некоторое время сопротивление победителям-маньчжурам. Таким образом, Китай в XVII в., в сущности, делился, в политическом и племенном, отношении, на две области. На юге численное преобладание имело коренное китайское население — „никанские люди“, как их называли русские, а на севере,— овладевшие Пекином и возглавившие империю новой династией, маньчжуры —„бойдосские люди“, по-русскому выражению. С воцарением маньчжурского императорского дома, имевшего прочные связи в Маньчжурии и Монголии, внимание Китайского правительства было обращено на север, в частности, на Амур. Принимались меры к заселению Уссурийского края, причем прибегали к средству, практиковавшемуся и русскими, а именно — к принудительной ссылке на новые места преступников, которых заставляли заводить земледелие. Жившие по Уссури „ю-пи-дадзе“ (рыбьекожие туземцы) постепенно подчинялись культурному воздействию восприявших китайский быт и китайскую образованность маньчжуров. Затем китайцы приступили к объя-

сачению народов, живших по среднему Амуру, берега которого привлекали их изобилием соболей. Ежегодно из Китая в Даурию ходили многочисленные партии промышленников, ездили купцы с товарами для мены на пушнину, и организовались экспедиции для сбора дани с туземцев. Центром, откуда шли все мирные и военные сношения китайцев с При-амурьем, был город Нингута, на одном из притоков Уссури. Сюда каждый год в лодках приезжали с Уссури и даже с Амура дикари и привозили соболиные меха для уплаты дани и для мены. Цзянь-цзюнь (губернатор) устраивал для них угощение и раздавал им подарки, присылавшиеся из министерства финансов в Пекине: кафтаны, шапки, сапоги, чулки, пояса, платки, веера и проч., и взамен отбирал у них по лучшему соболю; остальные меха они меняли на бисер, на парчу и шелковые материи.

Осенью 1651 года, после поражения, понесенного под стенами Ачанского городка, джючеры и отправили послов в Нингуту, к местному цзянь-цзюню, которого русские источники называют князем Исинеем; они плакали и говорили: „приехали русские люди, и нашу землю всю вывоевали и вырубили, и жен и детей наших в плен взяли. Мы своими людьми джючерскими, всею Джючерскою землею, собирались и на них ходили, на город их напускались не на великих людей, да тут нас едва не всех побили, и нам против их стоять невозможно, и вы нас обороняйте; а не станете оборонять, и мы им станем ясак давать“. Исеней не решился удовлетворить этой просьбы своей властью, и послал от себя человека с отпиской к наместнику области, царю Учурве. От последнего вскоре последовал ответ, с распоряжением собирать войско и итти против русских казаков, побить их, а иных взять в плен и представить ему с их казачьим оружием. Быстро было собрано войско в 600 человек, не считая примкнувших к нему джючеров (сот пять и больше) и других инородцев. При войске была и артил-

лерия — 6 пушек, 13 пищалей и 12 пинард глиняных; последние наполнялись порохом (по пуду каждая) и подкладывались под стены городов, для взрыва. Многие из солдат были вооружены огнестрельным оружием.

24 марта, на утренней заре, казаки в Ачанском острожке были разбужены криком стоявшего на карауле на стене есаула Андрюшки Иванова: „братцы казаки! вставайте скорее и оболокайтесь в куяки крепкие!“ Казаки бросились в одних рубашках на стену. Но было уже поздно. Уже начался обстрел острожка. В первую минуту ничего нельзя было понять. „И мы, казаки“, рассказывал впоследствии Хабаров: „чаяли: из пушек, из оружья бьют казаки из города; ажно бьет из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское“. Перед глазами казаков стояла появившаяся, как по волшебству, — „сила богдойская, все люди конные и куячные“. Начался штурм. Целый день, от зари до заката, продолжался бой из-за стены. Китайцы вырубили в ней три звена, сверху до земли, и пошли на приступ. „Не жгите и не рубите казаков!“ кричал князь Исеней: „берите их живыми!“ Толмачи перевели русским смысл этих зловещих слов. Хабаров и его казаки оболоклись в куяки и готовились к смерти: помолились и стали прощаться друг с другом, говоря: „умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную и постоим за дом Спаса и Пречистые и Николы чудотворца, и порадеем мы, казаки, государю царю, и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга! живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не дадимся!“ Китайцы, между тем, уже лезли в пролом. Казаки подкатили к пролому пушку и начали стрелять по наступающему неприятелю; одновременно сверху, из города, били из других пушек и ружей. Китайцы, не выдержав пальбы, отшатнулись прочь от пролома. Этим воспользовались казаки и сделали вылазку. Оставив в городе 50 человек, остальные

в куяках бросились на врагов, отбили у них две пушки и побили много народа. Китайское войско дрогнуло и обратилось в бегство. Разгром китайцев был полный; по подсчету казаков, было убито „наповал“, будто-бы, 676 человек, а „казачьей силы“ легло всего 8 человек, да переранено было на драке 76 человек, да и те скоро поправились. В руках у казаков остались, в виде трофеев, 2 пушки, 8 знамен, 17 ружей скорострельных и весь обоз: 830 лошадей и хлебные запасы. Казаки сами не верили действительности происшедшего. „Божиею милостию“, говорили они: „показалась китайцам сила наша несчетною“, и они склонны были объяснять свой неожиданный успех чудом. Пленники были подвергнуты пытке. Среди них оказался уроженец южного Китая, составлявшего независимое в то время от северного Китая государство, жителей которого (собственно китайцев) русские отличали от властвовавших на севере маньчжуров (богдойских людей). Он сообщил про богатство своей родины, в которой родятся золото, серебро и каменье дорогое, шелки разные, а в реках находят в раковинах жемчуг, и процветает промышленность: из шелков делают камки, атласы и бархаты, а также сеют хлопчатую бумагу и делают из нее кумачи.

После отступления китайцев из-под Ачанского городка, наступило затишье; ни один инородец не показывался на глаза. Тем не менее, Хабаров сознавал опасность своего положения. „Не знаем, где мы зазимуемся“, писал он в Якутск: „а в Даурской земле сесть нигде не смеем, потому что тут Китайская земля близко, и войско приходит на нас большое, с огненным оружьем... А с такими малочисленными людьми Китайской землею овладеть невозможно, потому что та земля многолюдна, и бой у них огненный“. 22 апреля 1652 г. он, поэтому, оснастя свои суда, поплыл в обратный путь, вверх. Накануне троицына дня он сплылся с ехавшим, в поисках его, вниз по Амуру Терентием Ермиловым.

Отпустив Нагибу, Ермилов переждал десять дней, после того, как прошел лед, чтоб подоспели оставленные им на волоку запасы, и поплыл вслед за Нагибою. По пути он подсмотрел многолюдный улус, тайным обычаем ночью произвел на него нападенье и нахватал пленных. Среди них оказались жена и дети местного князя Тоенчи; последний приехал к нему со всеми людьми и „честно поклонился" государеву величеству, присягнул по своей вере и обязался платить ясак, а для начала принес 32 соболя. С момента встречи с Хабаровым оба отряда объединились и стали действовать сообща.

Ермилов был озабочен судьбою посланного вперед Нагибы, и первым делом осведомился о нем у Хабарова. Тот ответил: „я и мое войско тех служилых людей не видали, они расплылись с нами; только туземцы сказывали нам, что плывут-де казаки сверху к вам. Мы с ними расплылись где-нибудь около Сунгари, а грамотку их нашли повыше устья Сунгари". Ермолин и его товарищи стали было проситься отпустить их на низ, на поиски Нагибы, но Хабаров резко им в том отказал: „то дело на мне государь положил, а не на вас!" Он имел, впрочем, на то свои основания, так как от туземцев были получены сведения, что на устье Сунгари стоит войско великое, вся земля в скопе, и китайцы с ними, всего народу, будто, тысяч с шесть. Захваченный русскими, лазутчик с пытки повинился: „вас тут ждали, рассчитывали: как-де поплывут казаки сверху или снизу, и мы-де их приманим к берегу, да тут-де их побьем; и сверху казаков не дождались, а вы то место пробежали на парусах, и меня за вами послали наблюдать, потому что соображали так: станут-де они зимовать и город поставят, и мы-де соберем войска, тысяч десять и больше, и их давом задавим". Сколько его ни пытали, он говорил одно: „будет на вас войско тысяч с десять, и с пушками и с мелким огненным оружьем".

Эти сведения заставляли быть осторожным. Хабаров предоставил собственной судьбе Нагибу и продолжал путь вверх, громя прибрежные селенья и хватая пленных. Когда они подплыли к городу сидевшего у него в аманатах князя Турончи, его дети прислали с рабами, в виде ясака, 7 соболей и 7 быков, но из „лучших людей" никто не явился на русские суда. Тщетно Хабаров через толмачей убеждал дауров: „дайте государю ясак полностью, и живите без боязни на прежних своих кочевьях!"—никто даже близко не подъезжал. Так же неудачны были попытки уговорить туземцев дать проводников Терентью Ермолину, который, по порученью Францбекова, должен был ехать в Китай. Напрасно простояли на одном месте ровно четыре недели, в надежде добиться проводников; напрасно Хабаров обращался к Турonче с упреками: „для чего твои люди не хотят взять Третьяка и не везут его к Шунь-Чжи хану?"—„Как им взять?" отвечал Туронча: „Китайская земля теперь с вами задралась, и вы многих китайских людей побили, да и ныне на вас придет войско китайское большое, тысяч десять и больше, и если наши люди возьмут того Терентья с товарищами, а вдруг их обратно из Китая не отпустят, и вы нас за то побьете".

Не добившись ничего, Хабаров поплыл дальше, и 1 августа высадился на правом берегу Амура, против устья реки Зеи в улусе князя Кокурея. Здесь Ярофей стал говорить своим казакам: „где бы нам город поставить?" Большая часть войска выразила полную готовность приступить к постройке. „Где будет годно и где лучше государю прибыль учинить, тут и станем город делать", говорили полчане. Но среди них нашлись, по словам Хабарова, воры, которые нарушили крестное целованье, и радели только о своих „зипунах" (добыче) и о нажитках. Во главе этих воров стоял енисейский казачий десятник Костька Иванов, случайно присоединившийся к походу; в совете с ним было

человек сто. Бунт вспыхнул на трех судах. Бунтовщики отказались принимать участие в общем деле, и снялись с якорей. Те из команды, которые не хотели присоединиться к ним добровольно, были перевязаны; несколько человек, впрочем, бросилось в воду в одних рубашках, и вплавь добрались до Хабарова. Хабаров и верные ему казаки подъезжали в лодках к отъезжавшим судам и уговаривали своих бывших товарищей остаться и соблюсти верность государю. На это последовал ответ: „мы и близко к вам не пойдем; однажды мы от вас отъехали!“, сопровождавшийся насмешливым заявлением, что они впредь не согласны служить государю „своими головами с травы и с воды“. Затем, выбросив на берег одну пушку, а другую в воду, и захватив войсковое знамя, порох и другое казенное имущество, Костька Иванов с своими соумышленниками поехал вниз по Амуру. Всего от Хабарова ушло 136 человек; осталось с ним только 212 человек.

Уже на следующий день были получены сведения о действиях бунтовщиков. Приехали с ясаком туземные князья и прислали с рабами 100 соболей, не решаясь сами близко подходить к русским. Хабаров через толмача призывал их и уговаривал отвести Терентья Ермолина в Китай, на руки им его давал, но те отвечали: „как нам к вам ехать? вы обманываете! сказал нам толмач, что вы хотите нас перехватать, и нам он правду сказал: он велел всем нам, даурам и джючерам, отъехать; да и ныне ваши люди поплыли вниз и нашу землю громят. Какие от вас послы! Отнюдь мы к вам не идем да и послов ваших не возьмем“.

Хабаров простоял на том месте полтора месяца, занимаясь набегами и грабежами в окрестностях. „Летом по той реке Амуру ходим и тех иноземцев к государеву величеству призываем, а непослушных и непокорных тех громим; а к зиме сплывем вниз“, писал он в августе.

Осенью Хабаров, действительно, сплыл вниз. Он хотел догнать отъехавших от него бунтовщиков и заставить их вернуться под его власть. Последние погромили по пути гиляков, забрали аманатов и среди Гиляцкой земли поставили острог с башнями, тарасы зарубили и щебнем посыпали. Засев в этом городке, они рассчитывали собирать ясак с покоренных ими гиляков. 30 сентября к городу подъехал Хабаров, но Костька и его товарищи, опасаясь с его стороны „озорничества", приняли меры предосторожности; тогда Хабаров приступил к правильной осаде неприятельской крепости: поставил небольшое зимовье об одну улицу, учинил раскаты и вкатил на них пушки. Гиляков, приезжавших с ясаком, он не подпускал к острогу, и приказывал отгонять. Толмачи говорили дикарям: „что это вы, мужики, ездите к ворам и им ясак даете? Мы их, воров, побьем и князцев ваших, которые у них в аманатах, повесим!" Очевидно, главной причиной раздражения Хабарова против своих бывших товарищей было то обстоятельство, что он видел в них конкурентов в сборе ясака.

Построив зимовье, Хабаров принялся бомбардировать чужой острог и стрелял по нему из пушек и из ружей с раннего обеда и до вечера. Бомбардировка не дала, однако, никаких серьезных результатов, и Хабаров приказал делать щиты для штурма. Осажденные, сознавая безвыходность своего положения и видя военные приготовления врагов, посоветовались между собою и сдались на милость победителя под условием, что их не убьют и не ограбят. Но тотчас после сдачи Хабаров заковал в железо зачинщиков, остальных жестоко избил батогами, некоторых даже до смерти, а имущество их захватил себе. Самый острожек он распорядился сломать и сжечь на дрова и на угли.

Зиму Хабаров провел в своем зимовье, продолжая грабить туземцев. Впрочем, набег, произведенный им на один

из больших гиляцких улусов, окончился полной неудачей. За это он зверски убил гиляцкого аманата князца Мингалчу, служившего проводником: пересек его на-двое пополам. Это был уважаемый во всей Гиляцкой земле старик, и убийство его вызвало волнение среди инородцев.

Когда наступила весна 1653 года, Хабаров разорил свое зимовье и поехал опять вверх по Амуру, захватив с собою гиляцких аманатов. Гиляки с криком и плачем ехали в лодках вслед за русскими судами, увозившими их соплеменников. По пути казаки разоряли улусы и рыбные ловли гиляков.

В общем итоге, третий год продолжался грабеж и разорение Приамурья, но нельзя было еще говорить о прочном завоевании страны. Поездки летом вверх и вниз по Амуру, зимою сбор ясака из поставленных на время острожков — к этому, в сущности, сводилась деятельность охочих людей в Даурской земле. Ясно было, что Хабаров и его вольница могли с успехом произвести опустошительный набег, но без содействия правительства не умели, а, может быть, и не хотели приступить к устроению захваченной области. Это понимали и в Москве.

В августе Хабаров с своими полчанами находился у устья Зеи, когда приехал присланный из Москвы дворянин Дмитрий Зиновьев. Он привез всему войску и его предводителю от имени царя золотые медали в награду за совершенные подвиги. Но одновременно он заявил, что ему поручено всю Даурскую землю досмотреть и ведать самого Хабарова. Иначе говоря, организатор похода был устранен от командования. Такой поворот дела явился результатом жалоб торговых людей на насильственные действия Францбекова и Хабарова. Последний узнал, что сам Францбеков, его постоянный покровитель и участник в прибылях его предприятия, смещен и отдан под суд. Хабаров уступил не сразу. Он стал требовать у Зиновьева предъявления цар-

ского указа, на основании которого он хотел отрешить его от должности. Зиновьев разсердился, избил его и подрал за бороду. Недовольные, которых было немало в войске, поспешили, с своей стороны, предъявить целый ряд обвинений своему бывшему начальнику, и Зиновьев повез Хабарова в Москву почти как арестанта. Перед отъездом он назначил приказчиком на его место служилого человека Онуфрия Степанова и отпустил в Китай Терентья Ермолина в посланниках, поручив его заботам братьев князя Тоенчи; впоследствии в юртах у туземцев русские нашли вещи, принадлежавшие Ермолину и его товарищам, и по этим признакам узнали, что они были предательски умерщвлены.

Покончив свои дела на Амуре, Зиновьев, забрав с собою Хабарова, поехал в Москву. По пути он обращался с ним как с престу́пником, отобрал у него всю его добычу, все шубы и кафтаны собольи, которых у него было на 1½ тысячи рублей, и отнял взятых им в бою пленников. В Москве Хабаров был не только оправдан, но сам Зиновьев едва не подвергся каре за свое самоуправство, и должен был вернуть ему его имущество. Но на Амур Хабарова все-таки не вернули. Он был пожалован в дети боярские и получил в заведывание несколько деревень в Илимском уезде. Очевидно, жалобы торговых людей и доносы собственных его товарищей возымели действие, и правительство, награждая Ярофея для поощрения других подобных же предпринимателей, считало нужным устранить его от дальнейшего участия в деле, которому он не мало повредил своим хищничеством и жестокостью. Почти одновременно решилась и судьба покровителя Хабарова — Дм. Андр. Францбекова. Благодаря протекции, и ему удалось, в конце концов, избавиться от суда, но часть благоприобретенного им во время воеводства в Якутске добра была все-таки у него отобрана.

IV.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО ВОЙСКА.

Онуфрий Степанов, которого Зиновьев, уезжая, назначил на место арестованного Хабарова, неохотно, „в неволю“, принял навязанное ему назначение. Он сознавал всю трудность выпавшей на его долю задачи. Цветущие берега Амура теперь, после набегов, имевших место за последние годы, были опустошены, население разбежалось. Уцелевшие от погрома дауры и джючеры переселились, по приказанию императора, с левого берега Амура на правый, в пределы Китайского государства; поля стояли незасеянными. Это переселенье жителей, произведенное китайскими властями, ставило русских в очень трудное положение. Продовольствия негде было достать. По слухам, на реке Сунгари имелся хлеб, и, после отъезда Зиновьева, Степанов в сентябре 1653 года произвел набег на эту реку и, нагрузив суда снятым с полей хлебом, воротился зимовать

в землю джючеров. Но китайцы на следующий год поставили близ устья Сунгари укрепление, чтоб не пускать русских, и когда весною следующего года они снова задумали произвести набег „для ради хлеба“ и на парусах стали подниматься вверх по реке, то их встретила здесь китайская „большая сила ратная, со всяким огненным стройным боем“, с пушками и с ружьями; часть китайской армии была в лодках, конница шла берегом; войско было разбито на роты, каждая под знаменем особого цвета, которому соответствовал цвет мундиров, и эта масса разноцветных шеренг и развивающиеся над ними белые, черные, красные и желтые знамена составляли яркую своей пестротой картину. Завязался бой. Китайская артиллерия, состоявшая из прекрасных дальнобойных пушек, стреляла по русским судам с берега из-за земляных валов и туров. У казаков было только три пушки, да и те плохие. Тем не менее, они отстреливались и выбили китайцев из лодок на берег, где они засели в траншеях. Пересев с больших судов на лодки, русские пробовали высадиться на берег и взять приступом укрепленный китайский лагерь. Китайцы отбивались из-за валов, и на приступе было переранено много казаков. У них не хватило пороха и свинца для продолжения боя, и пришлось, не достав хлеба, уплыть из Сунгари обратно в Амур.

На зиму Степанов поставил город на устье реки Комары. Постройка произведена была с величайшими трудностями, в самый замороз, так что приходилось рубить мерзлую землю на целую сажень в глубину. Острог был поставлен на валу и окружен двойным стоячим тыном, заменявшим стены, по углам были выведены „быки“ (контрфорсы); кругом выкопали ров в 2 саж. шириною и в 1 сажень глубиною; с внешней стороны рва набит был „чеснок“ деревянный, а кругом него чеснок железный, потайной из наконечников стрел, воткнутых в землю, на который враги

должны были накалываться при попытке подойти близко к городу, своего рода проволочное заграждение; на деревянном чесноке сделаны были щиты. В стенах были проделаны внизу и наверху отверстия для стрельбы; а для безопасности от бомбардировки пространство между обоими тынами было засыпано землею. Внутри города, на случай осады, был вырыт колодец, из которого проведены были желобы на все четыре стороны, чтобы тушить огонь, если бы неприятели попробовали поджечь деревянные укрепления. Далее, устроены были железные „козы", т.-е., вероятно, большой железный сосуд на высоких козлах, в котором по ночам горела смола для света, на случай ночного приступа, чтоб видеть врагов за стеной; был срублен раскат, на который поставили пушки; наконец, приготовили высокие мачтовые деревья, чтобы сбрасывать неприятельские лестницы и щиты, а также другие приспособления, которыми обычно отбивались во время штурма. Таким образом, приняты были все необходимые меры к обороне. Память об этом Комарском остроге сохранилась в старинной сибирской песне, в которой поется про казаков:

„круг они острогу Комарского,
„они глубокий ров вели,
„высокий вал валилися,
„рогатки ставили,
„чеснок колотили,
„смолы приготовили".

Предосторожности были нелишние. 13 марта 1655 года из острожка вышло 20 человек, чтоб нарубить леса для лодок, как вдруг, говоря словами той же песни:

„издалеча, из чиста поля,
„из раздолья широкого,
„с хребта Шингальского,
„из-за белого каменя

„из-за ручья глубокого —
„выкаталося знамя
„большое бойдосское;
„а знамя за знаменем идет,
„а рота за ротами валит:
„идет бойдосский князец,
„он со силою поганою
„ко острогу Комарскому;
„как вешняя вода по лугам разлилася,
„облелеила сила острогу Комарского".

Застигнутые в лесу казаки были убиты. Из острога на выручку им служилые люди сделали вылазку, пробовали отбить их, перебили много китайцев, но безуспешно.

Перед Комарским острогом стояло десятитысячное регулярное китайское войско со всяким огненным боем, с пушками и пищалями, разделенное на роты, заметные по знаменам разного цвета. В песне описывается, как китайский военачальник потребовал у казаков сдачи:

„а и ездил бойдосский князец
„на своем на добром коне,
„как черной ворон летает,
„круг острогу Комарского:
„А и буду вас жаловать
„златом, серебром,
„да и женками прелестными,
„и душами красными девицами!"

На предложение сдаться, казаки отвечали отказом:

„не сдаются казаки;
„во остроге сидючи;
„кричат они, казаки,
„своим громким голосом:
„Отъезжай, бойдосский князец,
„от Комарского острогу!"

Китайская армия укрепилась на холмах, господствовавших над острогом. С занятых ими высот китайцы стали

бить по городку из своих пятнадцати пушек и пускать стрелы с огненными снарядами, чтобы его поджечь. Бомбардировка продолжалась без перерыва целые сутки. В ночь 24 марта, китайцы учинили „плотный приступ“ к острожку одновременно со всех четырех сторон. Враги подошли под самый город; у чеснока уже развивались их пестрые знамена. Для штурма были доставлены к острогу всякие „приступные мудрости“: длинные мешки с порохом, толщиною с оглоблю, длиною сажен 15 и 20, очевидно, для взрыва стен, железные багры, лестницы на колесах с железными гвоздями и палками для прикрепления их к стенам; в арбах подвезли дрова, смолу и солому для поджога; подкатили телеги с щитами, нагруженные всем необходимым для приступа, и какой-то „острог копейчатый“. Штурм продолжался всю ночь. Казаки отстреливались с высот стен и с „быков“.

„А было у казаков
„три пушечки медные,
„а ружье долгомерное.
„Три пушечки гунули,
„а ружьем вдруг грянули“.

Китайцы, не ожидавшие такого сопротивления, дрогнули. Этим воспользовались казаки и произвели вылазку, побили много неприятелей, отбили у них две пищали, захватили несколько раненых китайцев в плен. К утру китайцы отступили, побросав мешки с порохом и пушечные снаряды. Урон их был очень значителен.

„А прибили они казаки, тое силы бойдосские,
„будто мухи ильинские,
„тое силы поганые“.

Китайцы ночью подкрадывались к городу, подбирали тела своих убитых и затем, по своему обычаю, подвергали их сожжению в своем лагере. После неудачной попытки

взять город штурмом, они укрепились в 350 саженях от него в таборах и приступили к правильной осаде: отняли воду, порубили оставленные на берегу суда и не давали никому никуда выходить из острога. Днем и ночью шла жестокая бомбардировка города. Осажденным приходилось очень плохо; они молились и постились; религиозный энтузиазм достиг высшей степени напряжения; жадно ловились всякие слухи о чудесах.

Бомбардировка не дала, однако, каких-либо серьезных результатов, и 4 апреля, после более, чем трехнедельной осады, китайская армия ушла, побросав предварительно в воду порох и огненные заряды и сжегши тяжелую куячную одежду. Для казаков отступление „бойдосской силы" показалось настоящим чудом: „богдосские люди, видя на себе божие посещение", писал Онуфрий Степанов: „и напал на них ужас и трепет!" В песне говорится, что бойдосский князец, „бегучи от острогу прочь", заклинался никогда больше к нему не приходить:

„А не дай, боже, напредки бывать!
„На славной Амуре реке
„крепость поставлена,
„а и крепость поставлена крепкая!"

Трофеями казаков оказались 730 пушечных ядер в 1½ фунта весом и больше каждое и большое количество зажигательных стрел, с надписями на китайском языке.

Победа, однако, не улучшила положения казаков. Страна была разорена опустошением, произведенным русскими погромами, остатки населения перешли на китайскую территорию; хлеба не было, запасы пороха и свинца вышли. „Хлебных запасов в войске ноне нет нисколько", писал в июне 1655 г. Степанов в Якутск: „и сами ныне живем в Комарском острожке с великою нуждою и питаемся травою и кореньем; а что было хлебных запасов, и то в осад-

ное время издержали... Холодны и голодны и во всем нуждаемся, и пороху в государевой казне на великой реке Амуре нет же нисколько, и оберегать острожек, государеву казну и своих голов стало нечем; а богдойских всяких воинских людей под нами близко есть много, дауров и джючеров и иных народов, которые под богдыхановою властью, и нам, холопам государевым, не дают нигде прочно поселиться". Приходилось то и дело отсиживаться в городе от постоянных нападений со стороны инородцев. Продовольствие доставали грабежем: каждое лето производили набеги, брали хлеб с полей „за боем и за дракой". „Живем, побегаючи летнею порою", как выразился тот же Онуфрий Степанов: „а люди нам стали не в мочь, потому что их стало многолюдно, а нас мало; а бой у них у воинских всяких людей стройный, огненный: пушки да пищали". Полуголодное существование среди постоянных опасностей отражалось на общем настроении войска: начались недовольства и пререкания, многие перестали слушаться Степанова, грозились от него уйти и действовать сами за себя; „от их бунтов", по его словам: „жить стало тяжело и не в мочь".

Тяжесть положения усугублялась тем, что в Москве правительство никак не могло притти к какому-нибудь определенному решению относительно Амура. Хабаров, как мы видели, был осыпан милостями, но совершенно устранен от дальнейшей деятельности в Даурской земле. В первую минуту правительство думало снарядить большую армию в несколько тысяч человек для покорения Приамурья, но, когда сделалось известно про недоразумения, возникавшие с китайцами из-за сбора дани с дауров, перспектива войны с могущественной Китайской империей испугало Москву. С другой стороны, при невыясненности отношений с Китаем, было ясно, что мало завоевать страну; надо будет для сохранения захваченной территории держать впредь

очень большие гарнизоны в приамурских крепостях, а это будет дорого стоить. Все эти соображения заставили отказаться от первоначального плана немедленного завоевания Амура. Вместо того, бывшему енисейскому воеводе, Афанасию Пашкову, было предписано основать на верховьях притока Амура-Шилки, на реке Нерче, город — будущий Нерчинск, откуда предполагалось очень постепенно произвести покорение всего Приамурья. Уклоняясь от трудных военных задач в Даурах, московское правительство все-таки не хотело выпустить из рук немедленных выгод, проистекавших от господства казаков на Амуре, и всячески поощряло всяких служилых и охочих людей к походам и сбору ясака с здешних инородцев. Оно, в сущности, оставляло всех этих добровольцев без всякой помощи, но не хотело им препятствовать в их предприятиях.

Понятно, что одними своими силами казаки удержаться на Амуре не могли. Отдельные партии искателей приключений, правда, появлялись вновь из сибирских городов: одни присоединялись к Онуфрию Степанову, другие грабили за свой счет, подвергаясь всевозможным опасностям. Раз, например, одна такая партия в 30 человек была поголовно истреблена гиляками; казаки Степанова то и дело находили в юртах туземцев вещи убитых соотечественников, а на плесах — сожженные и порубленные русские лодки. Другие присоединялись к войску Онуфрия Степанова, которое вместе с такими вновь присоединившимися охочими людьми достигло постепенно численности около 500 человек.

Несмотря на неблагоприятные условия, войско продолжало разъезжать в течение лета по Амуру и собирать ясак преимущественно с гиляков, так как остальные туземцы в значительной своей массе выселились, а зиму проводили в укрепленном Комарском остроге. Понятно, что такое хозяйничанье кучки казаков на реке, входившей в состав владений соседнего государства, могло иметь место лишь

до поры до времени. 30 июня 1658 года многочисленный китайский флот, состоявший из 47 судов, с большим „огненным нарядом“, с пушками и мелким огнестрельным оружием, напал близ устья Сунгари на русские суда. Китайцы пустили в ход свою артиллерию и убийственным обстрелом сбили казаков с судов на берег и нанесли им полное поражение. Сам Онуфрий Степанов и с ним 270 человек либо пали в бою, либо попали в плен; некоторые изменили и сдались китайцам без боя. Спаслось только одно судно с 57 человеками, которое как-то ушло от неприятелей. От погрома уцелел отряд, воевавший в то время на Сунгари и не участвовавший в битве; казаки, сумевшие бежать от китайцев, присоединились к нему. Образовался отряд в 227 человек; в атаманы выбрали племянника Хабарова — Артемия Филиппова Петриловского. Этот отряд продолжал некоторое время разбойничать и собирать ясак в низовьях Амура, еще не завоеванных китайцами. Афанасий Пашков, занятый постройкой острога на Нерче, прислал звать их к себе, но они, отобрав хлебные запасы у его посланных, поплыли, „для шарпанья“, к морю. На море на них опять напали китайцы и разбили на голову; от погрома уцелели лишь немногие. Поневоле приходилось подумать о возвращении во-свояси. Небольшая часть осталась в Комарском остроге, рассчитывая как-нибудь просуществовать набегами и грабежем. Остальные пошли искать Пашкова. Толком не знали, где он; думали, что он обоснуется в Албазине, куда они и направились; но в Албазине никого не нашли. Однако, сверху, они видели, водою несло строельный лес, рубленный в плотах и порозно, и это обстоятельство обнадеживало их, что Пашков, действительно, недалеко, и где-то строит город. Они пошли дальше Тугирским волоком, но нигде не нашли признаков его и его полчан. На волоку их изнял голод, не хватило хлеба; пришлось пробиваться

грибами, ягодами, кореньями и травою. Наконец, после долгих мытарств добрались до Илимского острога.

Что касается казаков, оставшихся было в Комарском остроге, то и их недостаток продовольствия заставил уйти с Амура. Они благополучно перебрались к Пашкову, который принял их к себе на службу. Но привычка к привольной жизни и к разгулу взяла свое: они обворовали служилых людей Пашкова и пошли грабить казенные суда на Шилке.

Так завершилась начатая Хабаровым экспедиция „в Дауры“.

V.

АЛБАЗИНСКИЙ ВОРОВСКОЙ ОСТРОГ.

После разгрома Онуфрия Степанова, амурская авантюра была оставлена. Правительство убедилось в невозможности, с теми незначительными силами, которыми оно располагало в восточной Сибири, удержаться на благодатных берегах великой реки, впадающей в Тихий океан. Отказавшись от мысли о быстром захвате Амура, русские стали укрепляться на верховьях Шилки, где ими был основан город Нерчинск, и отсюда очень осторожно и медленно подготовляли дальнейшее продвижение на юго-восток. Построенные на Амуре городки и крепости, брошенные на произвол судьбы, пришли в упадок или были срыты китайцами. Однако, среди сибирского казачества жива была память о „второй Лене", и героическая история первых завоеваний на Амуре влекла воображение, а предания о богатой добыче возбуждали алчность. Для всяких искателей

приключений и легкой наживы, для „гулящих“ людей, еще прочно не осевших на новых территориях и не привыкших к оседлой жизни и к усидчивому труду, для удальцов с темным прошлым и неясным будущим, словом, для того еще очень подвижного люда, которого было так много в только что завоеванной окраине, — Амур оставался обетованной землей удальства, подвигов и легкого обогащения.

Через семь лет после Онуфрия Степанова, на Амуре появилась небольшая шайка беглых преступников, спасавшихся от ответственности и наказания, возглавляемая ссыльным поляком Никифором Романовым Черниговским. Черниговский еще в 1638 году попал в Сибирь в числе других польских военнопленных, которых русское правительство опасалось держать в центральных областях. Как и прочие его соотечественники, заполнявшие собою гарнизоны в Сибири, он был здесь записан в службу; он служил сперва в Енисейске, потом в Илимске. Самые условия жизни и службы в Сибири способствовали развитию буйного своеволия среди служилых людей, чувствовавших себя в полной безопасности вдали от Москвы и мало считавшихся с своими непосредственными начальниками — воеводами, лишь временно пребывавшими в сибирских городах. У Черниговского, в конце концов, произошло столкновение с илимским воеводою Лаврентием Авдеевичем Обуховым, который сильно притеснял и грабил своих подчиненных и вызвал против себя всеобщую ненависть. Говорили, что воевода оскорбил сестру Черниговского и тем навлек на себя его месть. В июле 1665 года Черниговский случайно съехался с Обуховым на реке Киренге, где летом обычно имела место оживленная ярмарка. Здесь к этому времени собиралось, по пути из Якутска на Русь, большое число торговых и промышленных людей, ехавших на родину с приобретенными в Сибири мехами, а также служилых людей; воевода приехал поэтому из Илимска для сбора

пошлин и производства суда; его пребыванье на Киренге ознаменовалось всякими насильями, вызвавшими всеобщее озлобление, которое разрешилось катастрофой. 25 июля, ночью, как раз, когда воевода уже собирался ехать обратно в Илимск, Черниговский с своими сыновьями и другие недовольные ворвались к нему на судно и убили его. Мятеж завершился, по некоторым известиям, погромом торговых лавок, после чего Черниговский решился бежать с главными своими сообщниками на Амур, где их не могла настигнуть рука правосудия. По пути его шайка пополнялась другими искателями приключений и достигла числа 84 человека; из них он во время бегства потерял 15 человек, убитых тунгусами. К зиме Черниговский добрался до Тугирского волока и зимним путем перешел на Амур, где и обосновался на развалинах Албазина, который он поспешил восстановить. На берегу реки, на месте старого укрепления, был выстроен четырех-угольный город в 18 саж. длиною и 13 шириною, окруженный деревянными стенами и двухсаженным рвом. Со стороны суши, в стене была воздвигнута башня, под которой были устроены въездные ворота; в верхнем этаже этой башни помещалась съезжая изба, а над нею караульня, откуда можно было наблюдать за приближением неприятеля; со стороны реки были две башни с жилыми помещениями. Внутри города были впоследствии построены хлебные амбары, церковь с колокольнею и, когда в Албазин стали наезжать торговцы, лавки для торговли. Помещения для служилых людей были расположены вне городских стен и защищались надолбами и шестью рядами чеснока. Несколько позднее, поблизости от Албазина, по желанию самих казаков, был основан Спасский монастырь. Шайка Черниговского постепенно увеличивалась новыми пришельцами, и в 1670 году состояла из 101 человека. Кроме того, из Нерчинска появилось несколько семей крестьян, которые под защитой албазинских

башен стали распахивать плодородную землю и собирать сказочные урожаи.

Укрепившись в Албазине, казаки Черниговского принялись грабить и покорять окрестных инородцев. Не ограничиваясь ближайшими окрестностями, разбойники производили набеги на дауров и джючеров, живших в пределах Китайской империи. Китайцы и маньчжуры в Нингуте с ужасом увидали в 1669 году людей „из царства Ло-че“ (Россия; китайцы не произносят буквы *р*), „с впалыми глазами, высоким носом, зелеными зрачками и красными волосами“, „храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе“. Русское оружие оказалось „весьма страшно“, особенно бомбы, прозванные китайцами „арбузами“, по сходству с формой этого плода, которые „пускались соразмерно с расстоянием неприятельского лагеря и верно попадали даже за несколько *ли* [1]), где и растрескивались“. Главной целью набега были собольи меха, которые силою отнимались у туземцев. Паника охватила население Нингуты. Цзяньцзюнь спешно послал донесенье к богдыхану с просьбою о помощи, и вооружил поселенных вокруг города ссыльных. Но грабители благополучно вернулись во-свояси. Часть своей добычи, под видом собранной с туземцев на государя дани, они посылали в Нерчинск, на всякий случай, чтоб показать, что они продолжают считать себя подданными московского царя.

Набеги Черниговского должны были вызвать противодействие со стороны китайцев. После неудачной попытки дипломатическим путем прекратить грабежи, летом 1670 г. под Албазином появился китайский флот, к которому затем присоединилась и кавалерия, и приступил к осаде. Черниговский построил кругом города деревянный вал и отсиделся за ним. Тем не менее, было ясно, что без помощи

---

[1]) В версте $2^1/_3$ китайских ли.

со стороны государства наши разбойники не в состоянии удержаться на Амуре. Поэтому в 1671 году решено было отправить в Москву делегацию с ходатайством об амнистии. Правительство было поставлено в затруднительное положение: с одной стороны, убийство воеводы его подчиненными не могло остаться безнаказанным, с другой — возобновление Албазина и завоевание вновь Амура заслуживало поощрения и награды. В конце концов, оно вышло блестяще из затруднения. 15 марта 1672 года состоялся указ, по которому Черниговский и 16 его ближайших сообщников приговаривались к смертной казни, а прочие примкнувшие к нему бунтовщики к кнуту и отсечению одной руки, но через день, 17 марта, по случаю имянин царя, последовала всемилостивейшая отмена состоявшегося приговора, и преступники были осыпаны наградами: Черниговский был назначен приказчиком в Албазин; его войску послано 2000 р. жалованья.

С этого момента Албазин быстро заселяется. В окрестностях города возникает, по желанию албазинских казаков, Спасский монастырь, селятся пашенные крестьяне, распространяются заимки — и пашни. Достаточно сказать, что в средине 80-х годов в Албазинском уезде считалось уже более 300 человек крестьян. По слухам о богатом улове соболей, в Албазин съезжаются торговцы и промышленники; внутри города вырастают торговые лавки и амбары. Увеличивается и гарнизон Албазина, который быстро пополняется и русскими „гулящими" людьми, и промышленниками, и крещеными инородцами; попадается в числе албазинских казаков даже крещеный китаец. Из Албазина казаки энергично продолжали объясачивать туземцев по среднему течению Амура, и построили несколько новых острожков на реке Зее и ее притоке Селинбе.

Официально Албазин считался подчиненным Нерчинску, но отдаленность, а, главное, особый характер, который

носила государева служба на Амуре, позволяли албазинским казакам жить у себя в Албазине по-своему, так как им хотелось и казалось лучше. Они составляли как-бы маленькую республику, в которой все дела вершились „по приговору всех албазинских казаков". Закинутые далеко, на границу с Китаем, они редко и неаккуратно получали жалованье, зато и неохотно слушались распоряжений нерчинских воевод, которым были подведомственны, и действовали за свой собственный риск. Начальников, присылавшихся из Нерчинска, они нередко отказывались принимать; самовольно набирали себе товарищей из свободных людей; даже собираемый ими с дикарей ясак они не хотели отсылать в Нерчинск, а раз отняли у нерчинского сына боярского, посланного для сбора дани на Зею, собранные им меха, сказав: „не замай ту казну, до указу оставайся в Албазинском остроге, а в Нерчинск тебе той казны везти не дадим", и говорили, что пошлют ее сами непосредственно в Москву. Такова была эта полу-разбойничья республика, не признававшая, в сущности, ничьей власти.

В виду непокорности, которую проявляли албазинские казаки, нерчинский воевода Федор Воейков решил в начале 1682 года послать туда своего сына Андрея, чтоб потребовать выдачи соболиной казны. Но, узнав, что он не привез с собой для них жалованья, казаки и ему отказались подчиниться, и 5 апреля ворвались к нему „с невежеством" на двор, взяли его насильно в свой казацкий круг и требовали у него 4000 руб. жалованья, предлагая продать государеву соболиную казну и вырученные деньги раздать в жалованье. По адресу воеводского сынка раздавались угрозы и оскорбления. „Как мы поплывем на Амгун вниз по Амуру реке, и ты будешь у нас в кашеварах!" кричал казак Максимка Столбов; остальные его не унимали, и только говорили насмешливо Воейкову: „мы за такого дурака не стоим и его не научаем; а чего он довелся, и

ты по государеву указу чини!" Это было легче сказать чем сделать, потому что все албазинские служилые люди составили между собою „одиначную запись“, чтоб им друг друга Федору Воейкову не выдавать. От брани дело грозило перейти и к насильственным действиям, и, находясь в „круге“, молодой Воейков подвергался не только оскорбительным выходкам, но и опасности убийства.

Вслед за сыном, в Албазин приехал и сам старик воевода, чтобы попробовать выцарапать государеву соболиную казну. Прибыв в Албазин, он пошел в съезжую избу и принялся бранить казаков, называя их ворами и беглецами и причитая их к Стеньке Разину, память о котором еще была жива; вместе с тем, он заявил, что жалованье полагается только 100 человекам, составлявшим основную часть гарнизона, а остальные, прибранные незаконно, могут отправляться хоть к богдыхану. Несмотря на принятый им сразу властный тон, Федор Воейков, попав в притон албазинских разбойников, далеко не чувствовал себя в безопасности. Для предосторожности, он поместился вне города, в Спасском монастыре, и отсюда повел переговоры с казаками о выдаче ему задержанной ими соболиной казны. Те не отдавали, и в ответ били челом о государевом жалованье. „Послано было к нам в Албазин“, говорили они: „государева жалованья 2000 р., и ты из той казны 1000 р. роздал нерчинским служилым людям, а нам в Албазин прислал только 1000 рублей“. Толпа казаков, человек в 40, пришла к Воейкову в монастырь и потребовала: „дай нам 500 руб. денег, и мы тебе отдадим государьскую соболиную казну“. Воевода послал нескольких торговых людей в город сказать: „только соболиную казну отдадите мне, и я займу денег у торговых людей и дам вам жалованья 500 руб.“ Казаки отвечали: „пусть Федор приедет за соболиною казною сам и деньги привезет с собою, и мы ему казну отдадим и его проводим с честью“. Делать было

нечего; приходилось выкупать государеву казну. Воевода занял 300 руб., своих приложил 200, сам отправился в город и дал деньги казакам, а те выдали соболиную казну. После этого казаки стали требовать, чтоб воевода оставил у них в начальниках своего сына Андрея, рассчитывая иметь в его лице заложника; едва силой не отняли его у отца в монастыре. Открыто говорили, что собираются пограбить торговых людей и, захватив с собою насильно Андрея Воейкова, поплыть вниз по Амуру, к морю. Воейков, конечно, при таких обстоятельствах, не согласился оставить в Албазине сына. Тогда казаки заявили ему: „нерчинских детей боярских и казаков в Албазин на приказ (в начальники) не примем и не хотим быть у них под началом; вели у нас быть начальником кому-нибудь из албазинских же казаков!“ Воейков был вынужден и на это согласиться. Он предложил им выбрать самим приказчика из своей братьи, и утвердил выбранного ими десятника казачьего Ив. Войлошникова. Вырвали у него также согласие на поход на реку Амгун. Уезжая из Албазина, воевода не мог скрыть своего негодования: „тот острог воровской“, говорил он „ставили его воры! надо-бы церковь божию разобрать и острог сжечь!“ Промышленным людям и крестьянам, которые жаловались на насилья албазинских казаков, он советовал их копьями колоть и саблями рубить. И ясачных тунгусов, которых он встречал на обратном пути, он уговаривал платить ясак непосредственно в Нерчинск, помимо Албазина. „В Албазинский острог не ходите“, говорил он им: „там живут воровские казаки“. С своей стороны, казаки жалели, что выпустили воеводу живым. После его отъезда они разграбили хлебные запасы, которые он купил в Албазине и оставил на хранение в монастыре, и говорили воеводскому человеку, присланному за этими запасами: „полно боярину твоему в Албазине хлеб покупать“, потащили его к себе в круг и поручили передать Воейкову:

„скажи твоему боярину — только-бы с Зеи реки пришли к нам казаки в ту пору, как боярин твой был в Албазине, и застали-бы боярина твоего в Албазине, и ему-бы живым от нас не уйти!“

Когда наступило лето, „воровские“ албазинские казаки решили исполнить свой давнишний план похода на Амгун. Тщетно Воейков, боясь осложнений с Китаем, прислал из Нерчинска распоряжение, отменяющее данное им было разрешенье. Образовалась партия в 61 человек казаков и промышленников, под начальством Гаврилки Фролова, и пустилась вниз по Амуру на реку Амгун. Поставив на устье одной из речек, впадающих в Амгун, зимовье, они стали собирать ясак с окрестных тунгусов, раздавая им, по обычаю, зато подарки: обрывки сукон, огнива, ножи, олово, котлы, топоры, клещи и т. п. Здесь они встретились с такой же партией якутских казаков, посланных на Амгун для сбора ясака из Тугурского острога [1]), в составе 63 человек, под начальством Дмитрия Мокрошубова. Соединившись, оба отряда стали действовать сообща, спустились опять в Амур, погромили гиляков и ачан и многих побили, вернулись затем на Амгун, собрали здесь ясак с тунгусов, с бою взяв у них аманатов, а затем двинулись на реку Тугур. Тут возникла совершенно безумная мысль овладеть Тугурским острожком; примкнувшие к албазинцам тугурские казаки были озлоблены против тугурского приказчика Петра Аксентьева; они хотели расправиться с ним и уйти служить в вольный Албазин. Однако, когда выяснилось, что, вместо привода к ясаку инородцев, предполагается напасть на русский острожек, в шайке произошел раскол, и некоторые из якутских казаков (13 человек с Петрушкой Карповым во главе) отказались пристать к

---

[1]) Река Тугур впадает в Охотское море севернее Амура; не следует смешивать с рекою Тугиром, по которой назван Тугирский голок.

воровству. „Воровские изменники“ схватили их, били, отняли ружья и порох, рыболовные снасти и пленников, доставшихся им по разделу; связав, держали их в деревянных колодках и стояли над ними с копьями и ружьями из опасения, чтоб они не дали вести в Тугурский острог Петру Аксентьеву. Для захвата Тугурского острога, был отправлен передовой отряд из 21 человека. Едва он приблизился к острогу, как гарнизон, который с уходом Дм. Мокрошубова состоял всего из 5 человек, изменил и перешел на сторону воров: казак, стоявший на карауле, отпер им ворота, и все казаки, бывшие в острожке, вышли к ним навстречу. Победители вступили в острог, связали Петра Аксентьева и хотели даже его утопить, забрали аманатов, разломали „казенку“ [1]) и разграбили государеву денежную казну и имущество приказчика. После чего Ганька Фролов и Мокрошубов, захватив с собой тугурских аманатов, повернули обратно в свое зимовье на Амгун; к ним присоединилось 3 казака из Тугурского острожка.

На этом окончились успехи разбойничьей экспедиции. На Амгуне они находились на территории, принадлежавшей китайцам, и последние не могли, конечно, равнодушно глядеть на хозяйничанье наших удальцов. Они стали перехватывать отдельные небольшие отряды казаков и избивать их. Невозможно было даже дать знать о себе в Албазин. Так перебито было 11 человек; в том числе погиб и Дмитрий Мокрошубов. С другой стороны, Петрушка Карпов и его сторонники ушли в Тугурский острог к Петру Аксентьеву. Некогда многочисленный отряд таял с каждым днем. Сидя в своем зимовье, служилые люди продолжали, однако, собирать ясак, а промышленники ходили ловить соболей.

15 октября на зимовье напали гиляки и ачаны, которых они незадолго перед тем сами громили; дикарей собра-

---

[1]) Кладовая в присутственном месте.

лось больше 300 человек; зимовья они, правда, не взяли, но побили шесть человек, застигнутых на рыбных ловлях, забрали в плен ясачных тунгусов с женами и детьми и отбили пленников, которых русские раздавали на прокормленье жившим кругом зимовья инородцам, и казаки не в состоянии были им помешать. Ко всему прочему присоединился недостаток в продовольствии; четыре человека умерло с голода. Надо было думать об обратном пути, но итти в Албазин не посмели: боялись китайцев, так как тунгусы уверяли, что началась война, и что китайцы напали на Албазин. Приходилось итти на Якутск через Тугурский острожек, иначе говоря, принести повинную.

Недалеко от Тугурского острожка, к Гаврилу Фролову и его сотоварищам явился служилый человек Ивашко Голытин, посланный к ним от нового тугурского приказчика Ивана Щепоткина. Сам Щепоткин не решился выйти к ним навстречу; он, помня опасность, которой подвергся его предшественник Аксентьев, „забоялся смерти“ и остался в острожке; и вот Ивашко Голытин вызвался, с риском для жизни, пойти и попробовать уговорить „воровских изменников“ подчиниться, целовать крест государю, отдать аманатов и выдать беглых якутских казаков. Ему тем легче удалось „ласкою и приветом“ убедить мятежников повиноваться, что сами они были в безвыходном положении, отрезанные китайцами от Албазина. Гаврила Фролов явился в Тугурский острог и беспрекословно выдал как отбитых у Аксентьева аманатов, так и тех, которых сам взял на Амгуне, и сам пошел в Якутск. После сдачи отряд распался: кто остался служить в Тугурском остроге, кто обосновался в соседнем Удском остроге для прокормления; кто запросился обратно в Албазин; часть промышленников пошла из Тугурского острога в Удский острог в лодках „морем окияном“, находя, что это ближе, чем сухим путем. В Якутск Фролов добрался всего с 28 товарищами.

VI.

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА.

Вторичное появление на Амуре русских служилых людей встревожило китайцев. Такой могущественный государь, каким был царствовавший с 1662 года в Китае император Кан-си, сын Шунь-чжи, не мог, конечно, примириться с присутствием чужеземцев на территории, которую он считал себе подвластной, и еще менее—с разбойничьими набегами на собственные его владения.

В марте 1681 года в Албазин прибыли два китайских офицера и заявили приказчику Якову Евсевьеву, что в пяти днях конного пути от Албазина стоят трое воевод, приехавших от китайского богдыхана, „неведомо для каких переговорных речей“, и желают его видеть. Приказчик без государева указу ехать для переговоров не решился, но отпустил с китайцами пятерых служилых людей, исключительно для информации. Когда об этом осведомился

Федор Воейков, он поспешил послать от себя к китайским воеводам нерчинского казака Юшку Алексеева „для подлинного проведывания". Посланец воротился в сентябре и привез ответ, что богдыхан требует свести с устья Зеи Долонский острог; иначе будет война.

Затем, все с большей настойчивостью, стали ходить тревожные слухи о военных приготовлениях китайцев. В декабре в Нерчинск явился даур и от имени всех своих сородичей, переселенных, по распоряжению китайского императора, с Амура на Наун, жаловался на притеснения, которым они подвергаются от китайцев, и выражал желание перейти под власть московского государя; вместе с тем, по поручению всех даурских князцов, он предупреждал о подготовляющемся китайцами нападении на Зейские остроги. О том же узнавали русские и из других источников. В феврале 1682 года приезжал для торговли в Албазин один даур с Науна. Брат его жены в свое время принял христианство, поступил на русскую службу под именем Ивана Выезжего и жил в Албазине. Шурин передал ему, по поручению его отца, жившего на Науне, чтоб он лучше жил в остроге, а далеко от него в деревню не отлучался, чтоб его не захватили китайцы, потому что по вешнему пути „по пластам" будет богдойская сила под Нерчинский и Албазинский остроги.

Слухами о скорой войне было полно и „торговище" на Зее, где тунгусы и дауры торговали с китайскими купцами. Казаку Василию Терентьеву здесь говорил даур Алтиней с клятвою и божился, по тунгусскому обычаю, солнцем, месяцем и звездами: „есть у китайского царя такая мысль: собрана у него великая сила, и посылает он ту свою силу под Нерчинский и Албазинский остроги; призваны у него черные монголы и, по их обычаю, пожалованы, даны им камки, атласы, бархаты, ланы (слитки) серебра вперед на два года; а к даурам от богдыхана

прислан большой боярин, и велено под хлебные запасы суда делать, и готовятся лошади жирные и продовольствие, и всякие воинские припасы изготовлены тоже. А наперед, еще до весны, будет на месте конница — легкие люди, мунгалы в большом собранье, а остальная китайская сила прибудет водяным путем на судах с огнестрельным оружием, с пушками и со всякими припасами". Все это он говорил под величайшей тайной и умолял не выдавать его слов китайцам и другим даурам. Приблизительно то же сообщали приезжавшие на торговище тунгусы.

Все эти известия не могли не всполошить русскую администрацию Нерчинска. В острогах Нерчинского уезда служилых людей было очень мало, и те вооружены были плохо. „И от тех, государь, китайских воинских людей, от их большой силы", писал Федор Воейков в Москву: „мне, холопу твоему, оборонить твои великого государя остроги за малолюдством будет нечем... А которые, государь, промышленные немногие люди проживают в Нерчинском остроге, и у тех промышленных людей ружей нет, а в твоей великого государя нерчинской казне, какое огнестрельное оружие осталось от прежнего воеводы, и то, государь, оружие все перержавело или попорчено, и к стрельбе не годится; а какие ружья и можно было-бы починить, да в Нерчинском остроге бронных и оружейных мастеров нет; был прислан давно тому назад Коземка Федоров, и тот теперь дряхл и стар и слеп, с оружейною починкою не справится. А бердышей и топоров и рогатин и сабель в твоей великого государя казне и у нерчинских казаков совсем нет; а у кого из нерчинских казаков и есть собственные пищали, и то не у всех хорошие; а обороняться от неприятеля во время осады ручным боем нечем, кроме ножей". При таких условиях нечего было думать о возможности вести серьезную войну. Воейков решился пойти на уступки и распорядился эвакуировать Долонский

острожек на Зее; расположенный поблизости от китайского „торговища“, он давал особенно много поводов для столкновений. Китайцы, однако, не удовлетворились этой частичной уступкой: они хотели добиться полного ухода русских с Зеи. Тем не менее, слухи о войне смолкли, и 1682-ой год прошел без каких-либо крупных столкновений.

После тревожных слухов, ознаменовавших начало года, наступило затишье; о военной опасности перестали думать. Наступило лето следующего 1683 года. Албазинский приказчик Иван Войлошников отпустил на реку Быструю 20 человек служилых людей, к которым присоединилось 47 промышленных людей, для промыслов и для помощи казакам; во главе экспедиции стал казак Гришка Мыльник, сам, как видно из его прозвища, из промышленных людей, торговавших самодельным мылом. Поехали на шести судах и плыли вниз по Амуру целых 11 дней. Неожиданно, на одиннадцатый день, русские на повороте реки, обогнув мыс, налетели на целый китайский флот. Ехать дальше было опасно, и они стали на якорях близ левого берега. Китайские суда окружили их со стороны реки и тоже стали на якорях, не пропуская их ни назад, ни вперед. На следующий день приехали от китайцев два офицера и пригласили Гришку Мыльника от имени своих воевод на обед для переговоров. Он отправился вместе с попом Максимом, сопровождавшим экспедицию, и десятью казаками; ни он, ни его спутники не вернулись к своим товарищам. Только приходил от него за караулом китайских людей казак Афонька Байташников и сообщил им тайком, по его поручению, чтоб они сами о себе позаботились, кому куда ближе, а он, Гришка, задержан китайцами, и они его не выпустят. Между тем, китайские толмачи, в которых казаки узнали бывших албазинских казаков, при разных обстоятельствах попавших в плен или поступи-

вших добровольно на службу к китайцам, стали с китайских судов звать своих соотечественников „на богдыханово имя“. Общее смятение охватило русских, потерявших своего предводителя и осажденных на своих судах. Человек сорок, которые не хотели изменить и сдаться китайцам, перебрались с судов на берег и побежали врозь в лес; человек с двадцать остались на судах у своего добра, и биться с китайцами не захотели, и на берег не сошли.

Из беглецов только 10 человек благополучно и сразу добрались до Албазина. Самая большая партия из 23 человек с Фирском Яковлевым во главе побежала по направлению к Селенбинскому острогу. По пути „утеклецы“ сильно страдали от голода, питались ягодами. Но и в Селенбинском оказалось плохо. Крохотный острожек, состоявший из двух изб, промежуток между которыми был заделан лежачим тыном, сам находился под угрозой китайской опасности. Продовольствия в нем было мало, его не хватало и для тамошнего гарнизона. Беглецы прожили здесь поэтому только дней шесть, после чего и они, и селенбинские казаки, бросив на произвол судьбы острожек, вместе пошли в Удский острог, забрав с собою аманатов. Они шли на нартах, волоча с собою казенную и свою поклажу и запасы, и по пути собирали ясак с инородцев. Но тунгусы, возбужденные слухами о приближении китайцев, врасплох напали на них на дороге, перебили 15 человек и отбили своих аманатов. Остальные бежали, побросав нарты. Впоследствии выяснилось, что виновником нападения был толмач, сын упоминавшегося выше Ивашки Выезжего — Любимко, даур по происхождению. После этого несчастные, лишенные припасов, целую неделю шли „голодом“, пока на седьмой день не набрели случайно на запасы сушеной рыбы, оставленные промышленными людьми; этой рыбой и питались, пока оставшиеся в живых не добрались до Удского острога.

Из беглецов, покинувших суда, после пленения Гришки Мыльника, промышленные люди Мишка Иванов Яшиных, енисеец Ивашка Захаров, Евфимка Алексеев и Пашка Дмитриев отбились от своих сотоварищей; с неделю они бродили по лесу, пробуя добраться до Албазина, пока не попались в руки китайской конницы и не были отведены в китайский лагерь, разбитый на левом берегу Амура. В тот же день китайские войска переправились на другую сторону реки. Пленников посадили в колоды и тоже перевезли через реку. Здесь их разлучили: Евфимку и Пашку повезли неизвестно куда, а Мишку и Ивашку оставили при войске. Через день прибыл флот, действовавший против Гришки Мыльника. Пленники видели издали на судах русских служилых и промышленных людей, сдавшихся китайцам, но близко их к ним не подпускали и говорить с ними не позволили.

Вновь прибывшие воеводы произвели допрос пленников; толмачи, „русские изменники, которые изменили русским государям в прошлых годах“, спрашивали их перед воеводами, зачем они не сдались богдыхану, как прочие их товарищи? Они отвечали, что побежали в Албазинский острог с вестью, и больше ничего не говорили. Тогда один из воевод приказал, как им пояснили толмачи, казнить их смертью за побег, но второй воевода сказал, что казнить их не надо. На следующий день, наложив им на руки деревянные смыки, обоих посадили на лошадей и повезли на Наун; путь продолжался девять дней. После остановки на Науне, повезли дальше „в Китайское государство“, и через десять дней доставили в какой-то город (в какой, они не знали) и посадили, не снимая смыков, в тюрьму. На завтра их вывели из тюрьмы и поставили перед богдыхановым братом и китайскими сановниками и опять допрашивали об их побеге; они отвечали то же, что и прежде. После допроса их кинули обратно в тюрьму, и

в ней они протомились целых семь недель, в самых ужасных условиях: их держали впроголодь, кормили через день, и то давали только немного вареного риса. В тюрьму к ним приходил тайком один из русских изменников, служивших богдыхану, Пахомка Степанов Корноух и сообщал им новости; это было единственное для них развлечение. Он рассказал им, что Гришка Мыльник собирается приняться за свое старое ремесло и завести в Китайском государстве мыльницы и мыло варить, и принес им от него грамотку для передачи в Албазин казакам. Он же поведал им, что богдыхан собирает большое войско и часто производит смотры и ученья, но не мог сказать против кого назначаются эти войска. Наконец, пришли от богдыхана люди, вынули заключенных из тюрьмы и вручили им „лист богдыханов" (т.-е. грамоту), с приказаньем передать его в Албазине приказчику. Затем их тою же дорогою повезли обратно на Амур, таким же образом, верхами и в смыках на руках; лошадей сменяли на почтовых станциях, которых, по наблюдениям невольных путешественников, приходилось по четыре на день.

По пути им пришлось проехать через семь городов; эти города, насколько они могли видеть, были, впрочем, в жалком полуразрушенном состоянии: строенье было плохое, стены во многих местах развалились, маленькие пушечки (в аршин длиною) валялись на земле без станков. На пятнадцатый день их привезли на левый берег Амура в только что построенный китайцами, несколько выше устья Зеи, город Айгун [1]). Для постройки этого города и был, в сущности, прислан императором тот флот, с которым так несчастливо встретилась экспедиция Гришки Мыльника. Вновь основанный город был окружен земляными насыпями, обложенными дерном, в сажень вышиною, и рвом той же глубины; со стороны суши был набит чеснок, вы-

[1]) Впоследствии он был перенесен на правый берег Амура.

шиною ниже пояса, а шириною аршина в три. В проезжих воротах Мишка и Ивашка видели две большие пушки, длиною в ½ сажени, в станках на колесах; в других воротах тоже. На берегу на катках лежали суда, очевидно, те самые, которые входили в состав флота, встретившегося с Гришкою. В городе было много ратных людей. Словом, под боком у Албазина китайцы втихомолку построили большую и хорошо снабженную крепость, из которой вполне удобно было начать завоевание северного Приамурья. Продержав наших пленников в Айгуне сутки за караулом, их затем отпустили в Албазин без провожатых.

Прибыв в Албазин, Мишка и его товарищ вручили Ивану Войлошникову „лист" богдыхана. В нем оказалось обращение к албазинским казакам с убежденьем сдаться. Войлошников собрал всех жителей Албазина и прочел им китайскую прокламацию вслух. Собравшиеся, выслушав, закричали: „нечего тому обманному письму верить! волен в том господь бог и великие государи, а из Албазина от казны великих государей мы не побежим, а, сколько хватит пороха, будем с неприятелем биться, и рады за великих государей умереть, а острога не покинем!" Но горькое сомнение закрадывалось в души при мысли, что в Албазине в казне „порохом и свинцом и оружием и пушками гораздо скудно".

Между тем, китайцы торопились использовать одержанный ими успех. Они сожгли покинутые русскими Долонский и Селинбинский остроги и разорили прочие остроги на Зее. Оставалось завладеть главным стратегическим пунктом русских на Амуре — Албазином. Продвижение китайцев действовало возбуждающе и на окрестные племена тунгусов, лишь из страха плативших тяжелый ясак русским. Дань, которую с них требовали китайцы, была значительно легче, и они мечтали стряхнуть с себя русское иго. Они стали нападать на небольшие партии казаков и

избивать их. Мишке и Ивашке показывали в Айгуне русскую пищаль, взятую тунгусами у убитого ими казака и принесенную ими китайцам.

В Албазине ждали появления китайских войск с часу на час. 1684-й год прошел, впрочем, сравнительно спокойно, хотя в июле под городом показались китайские разъезды, убили и захватили в плен несколько человек и разграбили одну деревню.

Несмотря на временное затишье, русские отдавали себе отчет в серьезности положения. В Албазин назначен был из Тобольска опытный военачальник, сын боярский Алексей Ларионович Толбузин. По всей Сибири стали набираться войска для отправки в Дауры. Набран был целый корпус в 600 слишком человек, который, под начальством шотландца Афанасия Бейтона, был отправлен в Албазин. К сожалению, плохо дисциплинированные солдаты, несмотря на все усилия Бейтона, шли крайне медленно, по пути разбегались, вступали в вооруженные стычки с туземцами, подолгу задерживались на остановках, не сознавая, насколько гибельно может отразиться на судьбе Албазина каждое их промедление.

Между тем, в Албазине дела приняли угрожающий характер. В марте 1685 года, верстах в двух от острога, был найден труп русского промышленника, убитого стрелами; следы привели на мельницу, где валялось еще два трупа, а два человека из живших на той же мельнице, как выяснилось, исчезли бесследно, очевидно, были уведены в плен. По некоторым данным, узнали, что убийства совершены китайцами, которых приходило 100 человек. Это заставило насторожиться, стали дожидаться нападения. Толбузин распорядился, чтобы все население уезда собралось в острог. Гарнизон числил в то время всего 111 человек; промышленников и крестьян было более 330. В общем, таким образом, защитников могло быть самое большее

около 450 человек; пороха, свинца, пушек и ружей было мало. При таких условиях приходилось албазинцам готовиться к началу военных действий, а Бейтон с своим полком все еще не подходил.

10 июня появился на Амуре китайский флот, а с суши подошла конница. Толбузин поспешно послал в Нерчинск, с просьбой поскорее прислать подкреплений и снаряжения, и велел сжечь посады.

На следующий день, 11 июня, в Албазин прибыли два русских промышленника, бывшие в плену у китайцев, и привезли три листа, один на русском языке, другой на китайском, третий — на польском, и сказали, что листы эти прислали воеводы китайского императора и велели отдать Алексею Толбузину. Они же сообщили грозные сведения о китайской армии, стоящей под Албазином. „Идут" — говорили они — „те богдойские воеводы со многими воинскими людьми на кораблях, и сушею на конях, и хвалятся взять Албазинский острог; идут они на 100 кораблях, по 50 человек на каждом, да конницы у них с 1000 человек, и пушек с ними идет 100 полковых да 40 осадных больших и гранаты". Сведения эти были лишь отчасти преувеличены. Действительно, богдыхан собирал уже давно большую армию, чтоб разгромить окончательно русских. В ее составе были представители всех народностей, подвластных всемогущему Кан-си: монголы, маньчжуры, собственно китайцы из южных провинций, дауры, джючеры, тунгусы. Не считая конницы в 1000 человек, вооруженных луками, войско состояло приблизительно из 3.000 пехотинцев; кроме них, при армии имелось до 1.200 рабочих без оружия, которые служили при кораблях, тянули их на бечевах против течения и т. д. В общем, превосходство сил со стороны китайцев было громадное. Зато снаряжение их было далеко не такое блестящее, как думали русские. Большинство воинов сражалось с луками; пищалей имелось

всего 100 штук, да и то только те, которые достались китайцам в предыдущем году при разгроме русских острогов на Зее. Артиллерия была прекрасная, и состояла из 30 больших и 15 малых пушек.

12 июня начался жестокий обстрел города из тяжелой артиллерии, продолжавшийся десять дней. Ядра осадных пушек, весившие 12, 15 и даже 20 фунтов, производили самое разрушительное действие; здания в городе пылали, подожженные огненными стрелами. Результаты десятидневной бомбардировки были ужасные: 100 человек было убито, башни и острог были разбиты, лавки, хлебные амбары и церковь с колокольнею подожжены огненными стрелами, и в довершение всего, вышел весь запас пороха и свинца. Тогда все жители: настоятель Спасского монастыря Гермоген, священник городской церкви Федор Иванов, служилые люди, торговцы, промышленники, пашенные крестьяне — обратились к Толбузину с требованием приступить к переговорам о сдаче города. В виду безвыходного положения, Толбузин послал в китайский лагерь парламентера с предложением сдать город, при условии, чтоб всех албазинских жителей отпустили в русские города, а не задержали в плену и не разлучали с женами и детьми. Китайское командование согласилось на эти условия, но не позволило ничего брать из имущества, скота и запасов; все это являлось законной добычей победителей. Толбузина вызвали к воеводам; он был настолько тронут ласковым и милостивым отношением к нему и его товарищам со стороны врагов, что, по словам китайцев, даже прослезился. Воеводы уговаривали его и других служилых людей перейти на службу к богдыхану и соблазняли жалованьем, честью и дарами; с войском был привезен целый груз платьев, атласных и камчатных кафтанов, китайских сапогов, которые предназначались для раздачи русским изменникам. Человек двадцать пять дали себя прельстить,

но сам Толбузин и большинство гарнизона отказались наотрез.

Согласно условий капитуляции, все жители поголовно покинули Албазин. Они должны были оставить китайцам артиллерию, аманатов, запасы продовольствия, скот и все прочее имущество, и шли „наги, босы и голодны“, питаясь по пути травами и кореньями. В виду трудности снискать пропитание такой большой группе людей, пришлось разбиться на две части и итти различными дорогами, „для того, чтобы, одною дорогою идучи, голодною смертью не помереть“. Китайский флот с артиллерией (с пушками и со всяким приступным боем) шел по пятам за отходившими албазинцами, не покидая их из виду, пока не убедился, что они действительно повернули вверх по Шилке. По уходе русских, Албазин и окружавшие его деревни были выжжены до основания.

В одном дне пути от покинутого Албазина, Толбузину попался навстречу посланный к нему на выручку из Нерчинска отряд в 100 человек с артиллерией и огнестрельным оружием. Помощь опоздала всего на несколько дней.

Толбузин добрался с своими людьми в Нерчиск 10 июля, а уже 15 июля нерчинский воевода Иван Власов распорядился произвести разведку в сторону Албазина. Посланный им в лодках отряд в 70 человек дошел до места назначения, нигде не встретив неприятеля. На месте Албазина они нашли одно пепелище, на котором валялась небольшая китайская пушечка и несколько ядер. Зато хлеб, посеянный русскими, весь оказался цел. В окрестностях Албазина захватили одного китайца, уроженца южного Китая, который назвал себя Уонцыся. Он рассказал, что убежал с китайских кораблей по следующей причине: отец его был кормчим на казенном судне; судно его нанесло на камень, так что проломило у него дно, и оно потонуло; отец его и сам он выплыли к берегу, но большая часть

экипажа погибла, потонули и запасы, которые были на судне, и медная пушка; китайские воеводы взяли его отца и казнили за то, что он корабль о камень проломил, вменили ему этот несчастный случай в измену, а он, Уонцыся, испугался и убежал от китайских людей и пришел на Албазинское место, потому что здесь оставалось много русского запаса, и ждал, когда русские люди придут попрежнему на старое место, потому что китайцам никоим образом невозможно вскоре вернуться; дело в том, что начальники получили приказ с войском, которое было под Албазином, спешно возвращаться в Китай, так как в южных провинциях вспыхнуло восстание против маньчжуров. Последнее известие было особенно важно для русских. Пленник добавил, что китайцы поплыли наспех в Айгун, и там, по его сведениям, будет оставлен гарнизон в 500 человек, набранный из туземцев, при четырех пушках, под командой двух младших воевод, а большие воеводы и остальные служилые люди должны были ехать и повезти артиллерию в Нингуту. Нерчинский воевода отправил Уонцысю, как диковинку, в Москву к царю, присоединив к нему, в качестве переводчика, единственного человека, знавшего собственно китайский язык, на котором говорят в южном Китае, албазинского казака Федьку Михайлова, который сам был оттуда родом, но крестился и поступил на русскую службу.

На основании показаний Уонцыси, были отправлены из Нерчинска „легкие люди“ — 198 человек с пушкой, под начальством Афанасия Бейтона, для охраны оставшегося на полях хлеба, а, под прикрытием этого отряда, вернулись на свои пожарища албазинские крестьяне, чтобы собрать жатву и вновь завести поселенье. Вослед был отпущен сам Алексей Толбузин с албазинскими казаками, уцелевшими от осады, и с новоприборными служилыми людьми, всего 316 человек, с артиллерией и с достаточным запасом оружия. Будущий гарнизон нового Албазина выступил

при звуках барабана под развевающимся знаменем, сделанным из полотна с красной каймою из кумача.

По прибытии, Толбузин устроил временное укрепление, и стал за крепкими караулами снимать хлеб с полей, принимая все время меры предосторожности, чтоб неприятель не напал внезапно на жнецов. После некоторых колебаний, приступили к постройке вновь Албазина на том же месте, где стоял старый острог, хотя осада и показала недостатки прежнего местоположения (например, невозможность вырыть колодец для питьевой воды внутри острога). Постройку начали 25 сентября; ее пришлось прервать, однако, уже в октябре, в виду наступления морозов, и продолжали работы только весной. Большая задержка была в недостатке орудий, так как китайцы увезли с собою все оставленные жителями вещи и инструменты; приходилось доставлять железо из одного соседнего острога, где оно выплавлялось в ручных печах, и выделывать самим из него орудия. В конце концов работы были закончены. На месте прежнего острожка выросла крепость, постоенная по всем правилам тогдашнего инженерного искусства, окруженная земляным валом, имевшим в основании 4 сажени и в вышину 3 сажени, и сделанным необычайно прочно из дерна, глины, кореньев; с четырех сторон, в виде четырехугольных выступов, были устроены земляные бастионы для пушек; вокруг вала шел ров; со стороны суши город был обведен, кроме того, частоколом, упиравшимся в реку. Внутри крепости построили хлебный амбар, пороховой погреб, цейхгауз и около 10 дворов для жилья. В новый город стали постепенно приходить с ясаком тунгусы, впрочем, как оказалось впоследствии, по большей части лазутчики, подосланные китайцами.

Первое известие о возобновлении Албазина было получено китайцами от монгольских охотников, ходивших на соболиные промыслы и подвергшихся нападению русских

служилых людей. Цзянь-цзюнь послал на разведки дауров, которые не только подтвердили это сообщение монголов, но и привели захваченного ими в плен албазинского крестьянина. Эта новость тем более поразила китайцев, что они были вполне убеждены, что, в силу капитуляции Толбузина, русские отказались на будущее время от Албазина; они поэтому с негодованием говорили о лукавстве и хитрости московитов, и особенно возмущались вероломством „неблагодарного и коварного Алексея (Толбузина)". На Амур был отправлен отряд в 40 человек для наблюдения за действиями русских; китайцы при этом пользовались, как сказано, услугами ясачных тунгусов. Со своей стороны, и Толбузин произвел военную разведку в сторону реки Комары; посланный им Бейтон, с войском в 300 человек, наткнулся на китайский отряд, который обратился в бегство. Бейтон преследовал неприятелей на расстоянии 30 верст и, после упорного боя, одолел их, благодаря численному превосходству; русские потеряли семь человек, со стороны китайцев пало 30 воинов, и один попался в плен. Пленник на допросе показал, что китайцы имеют в виду произвести нападение на Албазин, но не ранее весны следующего года, а пока предполагается тревожить албазинцев набегами и препятствовать сбору хлеба с полей. От него же русские узнали, что китайцы перенесли город Айгун на правый берег Амура, почти против того места, где он стоял первоначально; новый город — окружностью в 600 сажен и укреплен двумя рядами палисадов в 3 саж. вышины, причем промежутки между ними, в 2 сажени ширины, усыпаны на сажень землею. В противоположность сведениям, полученным в свое время от Уонцыси, оказалось, что вся армия, осаждавшая в прошлом году Албазин, в количестве двух или двух с половиною тысяч человек, имеет пребывание в Айгуне; туда же переселено 500 человек земледельцев; в городе имеется 30 пушек, но огне-

стрельного оружия, в общем, мало. Наконец, пленник сообщил о том, что приступлено к постройке еще одного города на Науне.

Все эти известия показывали, что китайцы не намерены примириться с фактом вторичного появления русских на Амуре. И действительно, уже 7 июля того же 1686 года внезапно под вновь отстроенным Албазином появилась многочисленная китайская армия, как обычно, одновременно и водою и сушею. Флот насчитывал 150 кораблей, каждый из которых вмещал от 20 до 40 человек; сухопутное войско состояло из 3000 человек конницы. Русские, обманутые полученными ими неверными сведениями, были захвачены врасплох. Китайцы побили или заставили бежать в лес застигнутых ими при табунах погонщиков и пожгли хлеб на полях. Но Албазин уже не был так беззащитен, как в предшествующем году. Первоклассная крепость, он теперь был в состоянии не только вынести самую жестокую бомбардировку, но был снабжен хорошей артиллерией, состоявшей из 5 пушек и 2 затинных пищалей, и большим запасом как огнестрельного оружия (100 ружей, 850 кремней ружейных), так и бердышей (50 штук), пороха и свинца. Считая пашенных крестьян, гарнизон насчитывал 736 человек, все-таки почти в десять раз меньше, чем было людей в китайской армии. Толбузин велел сжечь посады и сел в осаду. Китайцы жестоко обстреливали город с своих судов, но и албазинские пушки не бездействовали. Осада затянулась. В ожидании холодов, китайцы отвели свои корабли в места, безопасные от льда, расположились в землянках на суше и продолжали обстрел. Для прикрытия своей артиллерии они построили деревянную стену, за которой наложили сырого леса. Русские отстреливались с успехом, подожгли ядрами стену, а посредством подкопа разнесли насыпь из леса. Тогда китайцы воздвигли кругом города целую систему земляных валов,

которые со стороны суши сжимали Албазин тремя полукругами, а со стороны реки, на острове, устроили, по всем правилам фортификации, укрепленную траншеями крепость. С высот этих валов они теперь обстреливали город самым убийственным огнем. 1 сентября они пробовали взять город приступом, но были отбиты с уроном; осажденные в ответ пять раз производили вылазки и побили и захватили в плен многих неприятелей. Эти частичные успехи не облегчали, однако, тяжести положения. Тщетно защитники Албазина спасались в землянках от истребительного огня китайских пушек; с каждым днем бомбардировка уносила новые жертвы. В конце сентября пушечным ядром был убит сам Толбузин. Начальствование перешло к Бейтону, который энергично продолжал защиту. Однако, бомбардировка и особенно болезни, свирепствовавшие вследствие неблагоприятных условий жизни в землянках, значительно сократили число защитников. Уже в конце ноября их, говорят, насчитывалось всего 150 человек. Китайцы, угадывая тяжелое положение осажденных, пускали в город стрелы с привязанными к ним письмами, приглашая албазинцев сдаться и обещая им милость богдыхана. Впрочем, наступившие зимние холода затрудняли действия самих китайцев, не привыкших к суровому климату Сибири, а жизнь в землянках пагубно отражалась и на них.

С конца ноября китайцы, отказавшись от мысли взять Албазин штурмом, перешли к правильной блокаде, последствия которой были ужасны. Благодаря недостатку продовольствия и хорошей воды, среди осажденных открылась цынга; смертность была очень большая. К весне у Бейтона осталось только 66 человек из 736, с которыми началась осада. О дальнейшем сопротивлении не могло быть и речи, как вдруг, неожиданно для русских, 6 мая 1687 года, после десятимесячной жестокой осады, китайская армия внезапно прервала блокаду и отошла на 4 версты от го-

рода. Остатки изнемогавшего гарнизона получили возможность выходить из города, доставать продовольствие, сноситься с Нерчинском, и даже получить оттуда помощь. Китайское командование не только не препятствовало этому, но проявляло изысканную предупредительность к своим врагам, предложило, например, прислать докторов для лечения больных. Бейтон, подозревая, вероятно, что китайцы хотят этим способом разведать о санитарном состоянии гарнизона, отклонил предложение, под предлогом, будто больных в городе нет, и в ответ прислал главнокомандующему китайской армии в подарок пирог весом в пуд, чтоб показать, что в Албазине нет недостатка в запасах.

Внезапное прекращение осады объясняется тем, что в Пекин прибыл русский посланник Никита Венюков с предложением вступить в мирные переговоры для установления прочных границ между владениями московского царя и богдыхана. Когда же китайское правительство было уведомлено о том, что в Сибирь из Москвы выехал полномочный посол, то 30 августа 1687 года, по указу императора, войска были совершенно отведены из-под Албазина.

Русский полномочный посол окольничий Федор Алексеевич Головин действительно уже в сентябре того же года прибыл в город Удинск, на Селенге, откуда и уведомил китайское правительство о своем приезде. Наоборот, приезд китайских послов сильно замедлился вследствие войны, вспыхнувшей между монголами и калмыками, и они выехали из Пекина только 3 июня следующего 1689 года. Во главе посольства от богдыхана стояли Сонготу, „торги-амбан“, т.-е. „придворный вельможа“, и дядя императора со стороны матери Тун-гуе-Ган, „гузай-эджен“, иначе „главнокомандующий одним знаменем“; при посольстве, в качестве переводчиков, находились два иезуита, состоявших на китайской службе, испанец Перейра и француз Жербильон.

Местом для конференции послов был, по желанию императора, назначен Нерчинск.

Еще послы не успели прибыть в Нерчинск, как жители города были 15 июля поражены неожиданным зрелищем появившегося на реке под самым городом китайского флота из 76 больших судов, вооруженных пушками, и сотни парусных лодок. Это была армия, стоявшая в городе Айгуне, и теперь прибывшая в Нерчинск под начальством императорского генерала, командовавшего всеми военными силами на Амуре, для того, чтобы в случае надобности поддержать военным оружием дипломатические выступления послов. Войско высадилось на противоположном берегу реки и расположилось лагерем против города, расставив палатки в обычном у китайцев порядке „по знаменам“. Сухим путем для нужд кавалерии было пригнано около 800 лошадей. Появление неприятельской армии под самыми стенами города не могло не перепугать нерчинскую администрацию, тем более, что на пути китайские воины допускали всякие насилия и действовали так, как будто шли по вражеской территории. Страх усилился, когда 19 июля прибыло само посольство, которое сопровождал значительный корпус сухопутных войск, грандиозный обоз (от 3 до 4 тысяч верблюдов) и до 15000 лошадей. Прибывшие раньше войска устроили императорским уполномоченным праздничную встречу, и все суда были пестро расцвечены флагами и материями. Посольство расположилось станом на берегу Шилки. Палатки охватили обширное пространство, образуя три концентрических круга; в центре лагеря возвышался шатер самих послов, перед входом которого развивалось два знамени, с изображением имперских драконов, и было воздвигнуто шесть изукрашенных пик, как символ их высокого звания. Общая численность всех китайских войск, собранных под Нерчинском, считая челядь и дворы послов и сопровождавших

их мандаринов, определялось в 9 или 10 тысяч человек и город с его небольшим гарнизоном в несколько сот человек оказался как бы в осаде. Надо заметить, что китайцы до тех пор никогда не вели дипломатических сношений ни с одним иностранным государством и, повидимому, представляли себе самый акт заключения мирного договора, как один из моментов военных действий; они, кроме того, преувеличивали русские силы и боялись обмана со стороны „лукавых“ московитов.

Вскоре по прибытии посольства жители Нерчинска сделались зрителями своеобразного праздника. Наступал день полнолуния, который почитается китайцами священным. Ночью все суда китайского флота осветились фонариками, и тишину нарушила музыка кимвалов. В ответ в Нерчинске заиграли военные трубы.

Между тем, Ф. А. Головин, предупрежденный о появлении китайской армии под Нерчинском, медлил приездом, недоумевая, идет ли дело о мире или о войне. С своей стороны, китайские послы проявляли нетерпение и нервность и грозились уехать в случае дальнейшего промедления. Наконец, 8 августа в Нерчинск прибыл Головин и, после предварительных переговоров, 12 августа произошла официальная встреча уполномоченных обеих сторон. На лугу перед городом были разбиты два шатра. Китайские послы переехали в лодках через реку, сели на коней и верхом подъехали к месту встречи; перед ними несли парадные шелковые зонты; сами они сверкали шелковыми, расшитыми золотом, кафтанами, с вытканными изображениями символических драконов; их сопровождал отряд из 300 воинов, а 500 человек, высадившись из лодок, построились на берегу в боевом порядке. Навстречу китайским уполномоченным выехал Головин, полный, не особенно высокого роста человек, в богатом золотом кафтане, поверх которого надета была парчевая шуба на соболях, державшийся

не без достоинства; ему предшествовало 260 солдат с барабанами, трубами и сурнами; за ним следовали дворяне и оркестр музыки. Послы одновременно слезли с лошадей, одновременно приветствовали друг друга и одновременно же вошли в приготовленные для них шатры. Русский шатер, весь затянутый турецкими коврами, отличался большой роскошью. Головин и нерчинский воевода Иван Остафьевич Власов, который указом по Москве был назначен ему в товарищи, сели в кресла за стол, крытый великолепными, шитыми золотом коврами, на котором стояли часы и письменный прибор и лежали бумаги; рядом на скамейке поместился дьяк Семен Скорницын; остальная свита расположилась, стоя за креслами послов. Китайская палатка, сделанная из простого полотна, наоборот, была чрезвычайно скромная; на скамейке, покрытой подушками, лицом к русским уполномоченным, уселись, поджав под себя ноги, все семь сановников, входивших в состав чрезвычайного китайского посольства; за ними сидели четыре гофмаршала; остальные мандарины и прочая свита стояли кругом. Рядом с послами сидело два человека в китайском платье и с косами, настоящие китайцы по костюму и манерам, но отличавшиеся от них по типу лица; это были переводчики отцы иезуиты, которым предстояло сыграть крупную роль во время конференции. При переговорах пользовались латинским языком, на который переводились, с одной стороны, китайские, с другой — русские речи.

Конференция началась с запроса с обеих сторон. Сперва русские предложили установить границу по Амуру с тем, что вся страна к северу от этой реки отходит под власть московского государя. В ответ китайцы потребовали всех земель к востоку от Байкала и уступки Селенгинска и Нерчинска, ссылаясь на то, что все эти земли некогда принадлежали Александру Македонскому, наследником ко-

торого, очевидно, почитал себя богдыхан. На этом прервалось первое заседание. На следующий день китайские послы выразили готовность отказаться от Нерчинска. Русские рассмеялись и насмешливо поблагодарили их за то, что их не гонят, по крайней мере, из этого города и позволяют спать спокойно, и просили выставить более разумные предложения, чтоб можно было „ударить по рукам". Китайцы обиделись.

Переговоры тянулись в последующие дни. В них теперь принимали деятельное участие иезуиты, служившие посредниками между обеими сторонами; русских они запугивали угрозой войны, а китайцев склоняли, вместе с тем, всячески к уступчивости. Благодаря ловкости Головина, китайцы, наконец, раскрыли карты и выставили свои крайние пожелания, потребовав весь бассейн Амура, начиная с устьев Аргуни и Горбицы до моря; таким образом, место, где находился Албазин, должно было отойти к Китаю, и самый город подлежал срытию. На такую уступку московские послы могли пойти только в крайности. Головин внес свое контр-предложение: провести границу несколько восточнее Албазина так, чтобы этот город остался в пределах русской территории. Едва известие о неуступчивости русских в вопросе об Албазине достигло китайского стана, как он пришел весь в движение. Был созван военный совет, на котором решено было прервать дальнейшие переговоры; послан был приказ армии, стоящей на Амуре, возобновить блокаду Албазина; войска, находившиеся при песольстве, получили распоряжение переправляться через реку на нерчинскую сторону; одновременно предполагалось призвать к оружию ясачных бурят, которые уже вступили в тайные сношения с китайцами.

На следующий день, 18 августа, внезапно на холмах, окружающих Нерчинск, появились китайские войска, в бле-

стящих кольчугах и полном вооружении, и двинулись отдельными полками по направлению к городу; вместе с тем, стало известно, что собираются значительные массы бурят, с явно враждебными намерениями. Нерчинск был охвачен паникой. Были спешно приняты меры к обороне: выкатили пушки, воздвигли баррикады из бревен, пригнали из окрестностей скот. Сам Головин с войском вышел из города, чтоб дать отпор неприятелям в открытом поле, не рассчитывая на крепость обветшавших и полусгнивших деревянных стен острога. Тем не менее, думать о сопротивлении не приходилось, и едва китайские послы верхами показались в виду города, Головин поспешил послать сказать им, что он согласен принять их предложение. Таким образом, военная демонстрация китайцев, не совсем обычная в ходе мирных переговоров, увенчалась полным успехом.

В последнюю минуту, уже 22 августа, китайские послы, однако, предъявили вдруг новое требование, едва не нарушившее состоявшееся предварительное соглашение, заявив, что, в силу этого соглашения, под власть императора должно отойти все пространство к северо-востоку от Горбицы, т.-е. все побережье Охотского моря до Чукотского мыса. На это требование с русской стороны не последовало никакого ответа ни в тот, ни в следующий день. Такое молчание смутило китайских послов тем более, что и иезуиты, с русскими картами в руках, доказывали им, насколько безумны их претензии на обладание столь отдаленными от Китая областями. Они уже рады были отказаться от своих неосторожных требований, когда прибыл посланец от Головина и привез письменный протест, в котором ответственность за возможность разрыва всецело возлагалась на китайских уполномоченных. Составленная в миролюбивых выражениях, декларация произвела должное впечатление, и переговоры возобновились. Они завершились 27 августа

заключением формального договора, согласно которого русские должны были эвакуировать и срыть Албазин; граница устанавливается по Аргуни и Горбице и не должна была нарушаться подданными договаривавшихся держав, под страхом наказания.

Подписание договора было обставлено не менее торжественно, чем начало конференции. Под Нерчинском был раскинут один общий шатер. Китайские послы прибыли, окруженные блестящей свитой в шелковых и парчевых платьях; их сопровождал целый корпус конницы, в 1500 человек, с развевающимися знаменами и значками.

Русские уполномоченные, с своей стороны, приехали с отрядом в 300 пехотинцев и оркестром музыки. Послы разместились в шатре за столом друг против друга на лавках, крытых турецкими коврами; иезуитов посадили за узким концом стола. Свита с обеих сторон присутствовала стоя. После прочтения текста договора, он был подписан, и приложены были печати. Послы присягнули в соблюдении заключенных условий, и произошел обмен договорными грамотами, после чего Головин, под звуки оркестра, облобызался, по русскому обычаю, с Сонготу. По окончании торжества, русские при свете факелов проводили китайских послов к их судам. Через два дня китайское посольство пустилось в обратный путь.

Московское правительство оценило дипломатическое усердие Головина. Навстречу ему была послана милостивая похвальная грамота, ему и Власову пожалованы были медали. И действительно, Головин, в сущности, вышел чрезвычайно удачно из очень тяжелого дипломатического тупика. Было совершенно ясно, что, при недостатке средств и людей на востоке, русские могли удержаться на Амуре только при условии установления добрососедских отношений с Китаем; между тем, война 1685—1686 годов показала определенно, что рассчитывать на добровольные уступки

со стороны китайцев не приходится. Дальнейшая борьба привела бы только к бесцельным жертвам. Между тем, воинственные планы императора Кан-си развертывались с неимоверной быстротой. С постройкой Айгуна, на Амуре, и Мергена на Сунгари, он становился твердой ногою в Приамурье; по его приказанию, произведена была морская рекогносцировка в устье Амура и обследован был Сахалин; через посредство подвластных ему монголов он угрожал Селенгинску; его послы заявляли притязания на Нерчинск и на все русские владения к востоку от Байкала. Необходимо было остановить его мощное продвижение на север, грозившее полным разгромом всему русскому делу в восточной Сибири. Головин поэтому весьма разумно пожертвовал Албазином, которого все равно невозможно было отстоять вооруженной силой, чтоб обеспечить спокойное обладание Шилкою и Селенгою. Наконец, с заключением почетного мира с Китаем, открывалась возможность торговых сношений с этой страной, а в них были сильно заинтересованы как московские купцы, так и само правительство. Принимая во внимание все сказанное, надо признать, что Нерчинским договором русские достигли всего, на что могли рассчитывать при данных обстоятельствах, особенно если вспомнить, что заключен он был под угрозой со стороны десятитысячной армии, готовой в любую минуту завладеть Нерчинском.

Нерчинским договором надолго, почти на 170 лет[1]) русские были отрезаны от благодатных берегов Амура, и невольно возникает вопрос: какой смысл и какое значение имеют описанные нами набеги бесшабашной и жестокой вольницы на мирные селения Даурской земли? Поярков, Хабаров, Черниговский и другие искатели приключений,

[1]) Амур присоединен к русским владениям только по Айгунскому договору в 1858 году.

разорявшие так жестоко и так бесцельно цветущий край, губившие чуждую им, но высокую и своеобразную культуру, зарождавшуюся на берегах Амура, — чего они достигли своими грабежами и насилиями? Ответ на этот вопрос дает научная литература западной Европы XVIII в. Походы казаков открыли для европейской науки неведомые до тех пор уголки „восточной Тартарии“ и способствовали уяснению географии Азии. Как это ни удивительно, уже в конце XVII века сведения о новых землях, открытых русскими казаками, достигли западной Европы; прекрасно составленные, точные и немногословные донесения Пояркова и Хабарова были переведены на голландский язык и легли в основание географического труда ученого амстердамского географа Витсена, который в течение всего XVIII века был единственным источником, откуда могли образованные люди Запада почерпнуть сведения об восточной Азии; по малограмотным русским чертежам исправлялись карты. Словом, сами того не подозревая, наши искатели приключений внесли богатый вклад в географическую науку своего времени, и, если они не сумели завоевать новых территорий для русской колонизации, они открыли для Европы и описали новые пространства земли, до них совершенно неведомые и недоступные для исследования. Сами наполовину дикари, они внесли свою долю в общечеловеческую работу по изучению и описанию земного шара.

ПОСОБИЯ И ИСТОЧНИКИ.

Миллер. История о странах при Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением (Ежемес. Сочинения, 1756).

Фишер. Сибирская история, изд. 1774 г. (сокращенное переложение соответствующих глав из работы Миллера).

Соловьев. История России, т. XIV, гл. I.

Н. П. Чулков. Ерофей Павлов Хабаров, добытчик и прибыльщик XVII в., в Русском Архиве, 1898, № 2 (на основании неизданных материалов Сибирского приказа).

Golder. Russian Expansion on the Pacific, 1920.

Du Halde. Description de l'Empire de la Chine, 1736. IV.

Witsen. Noord en Oost-Tartaryen, 2 т. изд. 1705 и 1785.

Риттер. Землеведение Азии (перевел и дополнил Семенов), 1856, ч. I.

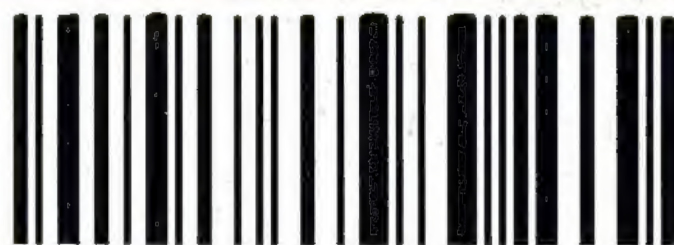
Титов. Сибирь в XVII веке, 1890.

Документы, которыми пользовался Миллер, напечатаны в Дополнениях к Актам историческим, т. II—XII.

Кроме печатного материала, автор воспользовался столбцами Сибирского приказа, хранящимися в бывшем архиве Министерства Юстиции №№ 338, 344, 389, 411 и 460 и делами Якутского правления, вязкою I и III (хранятся там же).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 70 коп.

2007338479